

Дорожье серебра и золота...

**Книга должна быть возвращена
не позже указанного здесь срока**

Виктор Баднов **
Евгений Буравлев ** Борис
Бурмистров ** Игорь Турянов
** Леонид Теркизович ** Сергей
Донбай ** Александр Емелянов **
Талина Золоткина ** Валерий Зубарев
** Александр Ибраимов ** Владимир
Иванов ** Александр Казанцев ** Александр
Кайков ** Игорь Киселев ** Иосиф
Куралов ** Борис Климинев ** Валерий
Ковшов ** Анатолий Козлов ** Николай
Колмогоров ** Виталий Креков ** Владимир
Мамасев ** Дмитрий Мурзин ** Владимир
Матвеев ** Валентин Маханов ** Михаил
Небогатов ** Михаил Орлов ** Владимир
Переводчиков ** Семен Петеник ** Николай
Пискаев ** Сергей Новокин ** Иван Полушин
** Владимир Поляшов ** Андрей Правда **
Александр Раевский ** Тамара Рубцова **
Сергей Самойленко ** Анатолий Сацлов **
Владимир Соколов ** Тамара Страхова
** Михаил Стрелцов ** Светлана
Труцева ** Василий Федоров **
Владимир Туряев ** Геннадий
Форов ** Сергей Яковлев

Дорожье
серебра
и золота...

стихи

Кемерово

Издательство «Сибирский родник»

1994

ДРУГ НЕВЕДОМЫЙ! ЧИТАТЕЛЬ!

В непростые дни появилась в твоих руках эта книга. Нет нужды говорить о том, что происходит сейчас в нашей стране: ты и сам все знаешь! Остается только добавить: ничто не случайно. Волею судеб мы живем на огненном стыке двух исторических эпох, одну из которых можно назвать эпохой распада, разъединения и разрушения, другую, грядущую за ней, эрой милосердия и созидания. В разные времена духовные подпитатели человечества, начиная от Сергия Радонежского, не однажды молвили свое слово о том, что именно России суждено стать колыбелью будущего, твердыней Новой культуры и жизни. Вот потому-то все темные эгонистические силы, которым суждено уйти с лица Земли, хотели бы, чтобы мы никогда не встали на путь разума, гармонии и справедливости. Вот потому-то со всех страниц и экранов, с книжных призывков и различного рода трибун обрушивается такой невиданный поток лжи, лицемерия и фальсификаций, вот потому-то отовсюду нагло глядят нам в лицо отвратительные образы насилия, разврата и жестокости. Темные сего мира, чувствуя свой неотвратимый уход, хотят и всех остальных увлечь за собой в свою сатанинскую бездну — потому-то мы испытываем такой неслыханный натиск зла, дух наш как плотина, срываема волнами...

Что же можно противопоставить бездушному наступлению тьмы, как не любовь к истокам бытия, к простым понятиям родной земли, кровных и духовных уз, доброты и сострадания ко всему живому! Нет любви выше любви — сказано в веках. К этим святым мудрым словам приложимо лишь одно: наша истинная российская жизнь, какой мы ее знаем, питаемая всеми историческими корнями, всеми светлыми родниками родных всхолмленных просторств.

Правды ради, мы должны сказать, что ветры нашего смутного времени не обошли стороной и наши писательские ряды. Создание нами Союза писателей Кузбасса не было чем-

ББК 84.3Р7
Д 69

Редакторы-составители:
А. И. Катков и Н. И. Колмогоров

54808/1) ✓

г. Л.-Кузнецкий
Центральн. объединен.
Городская б-ка, читалка
им. Крупской

Ц Б С
г. Ленинск-Кузнецкий
Филиал № 2

Д 4702010202-1 94
ЛР № 030182
ISBN 5-8431-0025-5

© Коллектив авторов, 1994.

то неожиданным: слишком отчетливо обнажились полюса нравственных позиций, обретений и потерь... Видит Бог, что только глубокая тревога и боль за судьбу России двигала нами.

Но, как говорится, нет худа без добра: обрета, пусть и нелегкую, независимость, всего лишь за год своего существования мы сумели издать более двадцати книжек прозы и поэзии. Факт для столь беспощадного к творческой братии, к самой культуре, времени достаточно примечательный. Это значит, что мы не опустили руки, что мы работаем и помним о своем призвании на этой земле, где от сияющих вершин русской литературы доходит и до нас бессмертный живой свет.

Название нашей поэтической книги говорит само за себя. Именно сейчас, когда так старательно лгут и внушают, что все в этом прогнившем мире продается и покупается, что единственная ценность — это набитый кошелек, пора опять и опять повторить: слава Богу, что не затолкать душу в денежные мешки, не купить истинную радость творчества, как нельзя купить или продать воздух, листопад, весеннее половодье или облака.

Все живет и время всякой вещи под небом. И, смеем думать, что никто из нас поэтов, живущих ныне, не посмел бы сказать, что поэты, которые уже ушли от нас, мертвы. Они — с нами, среди нас своими стихами и обликами, как и в этой книге.

Так открой же, друг неведомый, «поэта неведомый друг», как однажды в детстве ты впервые толкнул и отворил дверь родного дома, чтобы увидеть и услышать, и пережить все то, что написано было тебе на роду.

Н. Колмогоров.

Виктор Баянов

* * *

Бойся, Анна, слушай, Анна,
И ушам своим не верь:
Кто-то громко, кто-то странно
Незнакомо стукнул в дверь.
Твой бродяга, твой отходник
С полной сумкой за спиной —
Твой удачливый охотник
Возвращается домой.
Он твои забросит ситцы,
Он не то тебе добыл —
Для тебя в тайге лисицу
Черно-бурую убил.
Только входит он сурово,
Словно кедр, высок и прям.
На щеке застыл свинцово
От медвежьей лапы шрам.
Ох, умаяла дорога
Через горы и лога.
Ох, заметил у порога
След чужого сапога.
Ох, заметил след неяркий,
Потому не ест, не пьет,
Драгоценные подарки
Из мешка не достает.
Не глядит на молодую
И, натуре вопреки,
Клонит голову седую
На большие кулаки.

* * *

Год назад стоял такой же вечер,
Так же были сумерки густы.
Неуемный забияка-ветер
Обдирал заречные кусты.
Ободком оброненного перстня
Месяц чуть поблескивал в воде.
И бродила редколесьем песня —
Я такой не слыхивал нигде:
«На пригорках травы порыжели,
Схолодела в реченьке вода.
Неужели, милый, неужели
Не вернешься больше никогда?..»
Вспоминаю вечер тот полынный,
Всматриваться в сумерки устав.
Пахнет переспелую калиной,
Пахнет соком молодых отав.
В колее осенней вязнут поги.
И, не знаю, тот или не тот.
За кустами голос одинокий
Все зовет кого-то и зовет.

Нет, наблюдать не любишь ты,
Как дождь идет, дорогу тыча.
Ни для кого не рвешь цветы,
Не понимаешь пенье птичье.
Непостоянен ты еще
И очень глух к добру и худу.
Как хорошо, как хорошо,
Что я таким уже не буду!..
Застыв, не ждешь ты никогда,
Что вот сосна сбежит с откоса,
Что вот русалка из пруда
Появится и выжмет косы.
Сто раз ты около прошел,
Не веря ни в какое чудо.
Как хорошо, как хорошо,
Что я таким уже не буду!..
Вот канет этот день во тьму
И вроде яблоньки-дичонка
К плечу крутому твоему
Прижмется трепетно девчонка.
Ты не узнал еще печаль
И сердца легкую остуду.
Семнадцать лет...
Как жаль, как жаль,
Что я таким уже буду!..

* * *

Видавший виды глиняный кувшин!
И пить, да так, чтобы не только глотку
Струя воды внезапно обожгла —
А чтоб она текла по подбородку,
Чтобы она за шиворот текла.
Кипит родник, воркует голубино,
Прохладой вея на клубничный дуг.
Над ним краснеет старая рябина,
Малина густо разрослась вокруг.
И все года, под ярко-алой зорькой,
На гладь воды, что, как слеза, чиста,
Все падают —
То плод рябины горький,
То сладкий плод с малинова куста.

* * *

Изба моя, приветь меня,
Побалуй давней лаской отчей,
Погрей у твоего огня,
Чем Бог послал, меня попотчуй.
И над землей, и над водой
Сквозь все удачи и оплошки
Мне самой близкою звездой
Сиял огонь в твоём окошке.
В большой судьбе твоей теперь
Все так предпразднично, субботно.
Я в эту низенькую дверь
Когда-то проходил свободно.
Я был, как ты, и мал, и прост,
Был цветом полевым просвечен.
И прибывающий мой рост
Вон, на венцах твоих отмечен.
На крыше — тот же дерн пока.
И с этой крыши многоцветной
Под легкий шелест ветерка
Свисает колокольчик летний.
И спорым дождиком омыт,
Трезвоном наполняя уши,
Он мне о юности гремит,
Гремит от года к году глуше.
Изба, и летом, и зимой
Твой отсвет надо мной витает.
Стою, и рост отметить мой
Венцов сосновых не хватает.
И не могу унять теперь
Далеких лет степного звона.
И не могу я в эту дверь
Пройти без низкого поклона.

Евгений Буравлев

(1921 — 1974)

* * *

Я не пишу о войне:
Трудно писать о войне.
А уж кому, как не мне,
Строчку не бросить на круг?
Летчику и стрелку,
Саперу и взрывнику,
Взводному в эсском полку
Есть что сказать, мой друг.
Только не до строки
Там, где легли полки,
Там, где взята в штыки
Последняя высота.
Не срифмовать мне, друг,
Оторванных ног и рук,
Не срифмовать всех мук
И всех оставшихся там...
Хотя идти на релут —
Это ведь тоже труд.
Страшный, но все-таки труд —
Ради жизни, мой друг.
Смерти самой вопреки
Безусые пареньки
Бросали вместо строки
Сами себя на круг.
Но умели молчать
Там, где нельзя кричать.
И попадали в печать
Только посмертно, мой друг.

* * *

Я — ромашка, глаза нараспашку.
Гляжу —
Приближается смерть
Дымной росною мглой.
Далеко звон литовки,
А я вся дрожу:
Взмах, еще один взмах —
И коса надо мной.
Встав на цыпочки, рядом
С тревогой глядят
Васильки синиеюкие на косаря
И, предчувствуя гибель,
Ударил в набат
Колокольчик степной...
Только все уже зря.
Он идет словно рок:
От плеча до плеча
Голубою, как молния,
Блещет косою —
И летят колокольчики
От руки палача,
И летят васильки со слезою-росой...
Травы!
Это для вас
Мы рядами легли.
В росный утренний час
Нас свели косари.
С нашей черной земли,
Что седа по утрам,
Косари нас свели,
Чтоб наследовать вам.
Чтобы новой весною
Взойти семенам,
Чтоб зеленой стеною
Лечь под косы, как нам...

Я — ромашка, упавший под взмахом
цветок.

Но остался в земле
Мой бессмертный росток.
В душном стоге спрессован,
До самой весны
Буду снова и снова
Видеть росные сны.

*В авторской редакции публикуется впервые.
Публикация Н. Колмогорова.*

* * *

Когда все затихает
И в горном потоке, как рыбы,
Заплещутся звезды,
И туземной пирогой
Луна заскользит по волне,
Просыпаются камни
И глухо в глубинах бормочут,
Тяжко охая, катятся,
Катятся к устью реки.
О своей родословной
Бубнят именитые камни —
С какой кто вершины!
Под напором потока
Бредут неуступчиво вниз.
Но река беспощадна.
И к морю приходит покорно
Самой малой песчинкой
Самый спесивый из них...
А на пляже песчаном
Резвятся под солнышком дети,
Как быстрые лани.
Ну, а бывшие камни —
И мрамор, и черный базальт —
Под босыми ногами
То шепчутся тихо, чуть слышно,
То скрипят сокрушенно,
Былое бессильны вернуть.

Публикуется впервые.

Публикация Н. Колмогорова.

* * *

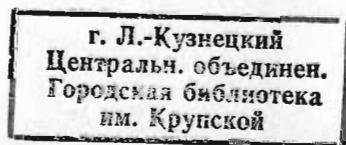
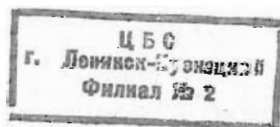
Я не шатал устои государства,
Военных тайн в стихах не выдавал.
Но рецензент всегда умел придраться
И — хоть умри! — мне хода не давал.
Природным нюхом, службой наводстрепным,
Он ухитрялся угадать во мне
Такое, что всем критикам ученым
Ни в жизнь бы не приснилось и во сне.
Ему с поры недоброй подзапала
Одна лишь мысль, одно усвоил он:
«А пет ли здесь взрывчатки и запала?
Не вставлен ли в строку не наш патрон?..»
А всей бедой той строчки неказистой,
Всей тайной, не пропущенной в печать,
Была душа поэта-коммуниста,
Не смеющая правду умолчать.
Ту правду, что срывает с глаз завесу,
Уснувших поднимает как в ружье
И помогает разглядеть за лесом
Трухлявых шей смердящее гнилье...
Не надо о моем благополучье
Заботиться, мой тайный эрудит.
Народ — он разбирается получше,
Где друг, а где с ним недруг говорит.
Он знает, что по щучьему веленью
Сбываются лишь в сказках все мечты.
А те мечты, что нам оставил Ленин —
До них нам гнуть и гнуть еще хребты!
Еще трещать мужичьим потным спинам,
Ученым мозг до боли напрягать
И вложенным, как в штольни, в строки минам
Подходы к тем высотам рвать и рвать...

И — чудо! — рецензент не стал ершиться
И вдруг сказал: «Тебе, брат, повезло:
И я не лыком шит, как говорится, —
Пусть выйдет книжка всем чертям назло!»

Публикуется впервые.

Публикация Н. Колмогорова.

57808/1

* * *

Чем дальше ты, тем горестней стихи,
Острее мысли, обнаженной чувства.
Ясней, что в жизни — суть, что — пустяки,
Понятнее, где мели и где русла.
Как беспристрастный критик и судья,
Дотошный весовщик золотоскупки,
Вплоть до песчинки взвешиваю я
Все прежние поступки и проступки.
И удивляюсь: боже, как щедры
Мы были на взаимные ошибки
И как скупы на редкие дары
Взаимно всепрощающей улыбки.
Смешно и больно из-за мелочей,
Из-за обид нелепых и наветов
Каких и скольких — не сочтешь — ночей
Лишились мы в одно лишь это лето!..
Чем дальше ты, тем дольше нет тебя,
Тем чище на душе, светлей тревога,
И журавли осенние трубят —
Зовут в неотвратимую дорогу.

* * *

Что же есть одиночество?
Что же это за зверь?
Одиночка — и хочется
На волю, за дверь?
Ну, а может быть, просто —
Твой отчаянный крик
С нелюдимого острова
На материк?..
Что же есть одиночество?
Что не понят другим,
А стихи и пророчества
Беспредметны, как дым?
И что все твои замыслы,
Все, чем жизнь дорога —
Непролазные заросли
И мрачны, как тайга?..
Что же есть одиночество?
Не понять мне вовек.
Может, миг, когда корчится
В петле человек?..
Только все же случается
Одиночества власть:
Жизнь
На проволочке качается —
Дай-то Бог, не упасть!..

Публикуется впервые.

Публикация Н. Колмогорова.

Борис Бурмистров

* * *

На два узла, на два узла
Судьба моя завязана.
Где меньше зла, где больше зла,
Куда идти заказано?
Кого любить, кого забыть —
Все в памяти уляжется.
Из слов невидимая нить
Все вяжется и вяжется.
Сплетая в толстые клубы,
Натрудишься, намаешься.
Ни от сумы, ни от судьбы,
Ни от себя не спрячешься.
То франтом въедешь на коне,
То вдруг в пути заблудишься,
То истину найдешь в вине,
То в полусне забудешься.
То время вдруг покатит вспять,
И шар земной покатится.
И крик, и стон, и все опять
Не сном, а явью станется.
И в мире том, где без числа
Невинных душ загублено,
На два узла, на два узла
Судьба моя разрублена.

* * *

Встрадам вздыблены поля
К худой примете.
О воскресении моты,
Живу на свете.

Хватает дырок в прорех,
Лжецы постылы.
Но замолить их страшный грех
Не хватит силы.

Не хватит времени уже.
Потоки нищих...
А ветер --- стужою в душе,
И дыры свищут.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Все кружит белая метель
Который день, который день.
Который день над дымкой рек
Витает прошлогодний снег.
Метет метель, метет пурга —
Избушка: печь да кочерга.
В печи огонь, едва живой.
Стучится путник на постой.
В окне — огарочек свечи,
Как искра божия в ночи,
Как зябкий образ бытия...
И в этом мире где-то я.
А по земле метет, метет
Который день, который год.

* * *

Три женщины любимых, три печали
У трех дорог меня всегда встречали.
Три женщины любимых, три огня
От злых напастей берегли меня.

Три женщины любимых на земле,
Три мотылька, светящихся во мгле.
За них готов молиться день и ночь —
Храни их, Боже: мать, жену и дочь.

* * *

Уезжаю с ночного перрона,
Улетаю в продрогшую ночь.
Через два, или три перегона
Боль-обида отцепится прочь.

Через два, или три перегона
Что-то вдруг повернется в судьбе —
Проводница седьмого вагона
Мне постельку постелит в купе.

Провалюсь и забудусь надолго
С мыслью доброй о прожитом дне.
Будет верхняя, жесткая полка
Мне периной казаться во сне.

Будет женщина долго мне сниться
И под стук монотонный колес
Промелькнут позабытые лица,
За спиною обрушится мост.

Проводница седьмого вагона,
Мне чужую судьбу не пророчь...
Уезжаю с ночного перрона,
Тихо-тихо баюкает ночь...

РОДОВА

Это дерево вечно растет,
Его корни в глубинах пространства,
В кроне, в листике каждом течет
Кровь язычества и христианства.

Перемешана, смешана кровь,
И от буйства к спокойствию духа
Прорастала и крепла Любовь
И коснулась дыханием слуха.

О, далекие предки мои,
Россияне — сыны вольнодумства,
В моем сердце доныне горит
Ваш огонь доброты и безумства!

Я листочек на ветке Любви,
Все мы в мире и вечны, и тленны.
Дай-то Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали великие гены.

Горе сгниет и смута пройдет,
Дай нам Бог высоты и простора.
Покаянное время грядет,
Русь, Россия, — судьба и опора.

Леонид Гержидович

НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ

Здесь вся соляркою облита
И сотрясаясь, и пыля,
Измята, вспорота, изрыта
Тяжелой техникой земля.
И, словно в карточной колоде,
Призывом на ударный труд
В своем и общем огороде
Перетусован разный люд.
Меняя жестко облик древний,
Новейший Населенный Пункт
Надел на старую деревню
Свой перевернутый хомут.
Бреду поселком.
Под откосом
В грязи буксует лимузин.
Стоит тягач, уставясь носом
На шлакоблочный магазин.
Оттуда мат буравит ухо,
И песню пьяница орет,
И что-то шамкает старуха
У перекошенных ворот.
Собаки — стражи обнищанья —
Лежат в пыли у гаражей,
Обрыдлые, как обещанья
За власть дерущихся мужей.
О, бедный край!
Сумею ль повесть

Твою
Понять до края дней,
Изжить тоску и бестолковость
Людей, их быта и затей?

* * *

Я закурил папиросу —
Завод задымил трубой.
Камень в собаку бросил —
Танки помчались в бой.
Не пожалел калеку —
Вздых обратился в рык.
Плюнул бездумно в реку —
Речка усохла вмиг.
В чащу явился вором —
Лес, как былье, усох.
Затархтел мотором
И навсегда оглох.
Вперился в телевизор —
Стал безнадежно слеп.
Умным расчетом чисел
Выжег насущный хлеб.
Мышью под Божьей крышей
Выкупался в золе
И ничего не вышло
Мне на своей земле.

* * *

Кто там ходит-бродит,
Омрачая день,
Тень свою наводит
Да на мой плетень?

Ну, зачем так грубо
В душу тыкать нос,
Чтоб я скалил зубы
Как сердитый пес?

Бесполезно, братцы,
Вам не преуспеть.
Буду улыбаться,
Буду песни петь.

Измываться бросьте.
Дух не омрачу.
Не поддамся злости —
Доброты хочу.

* * *

Коротенькая стрижка.
Комарик на носу.
Ты — маленькая мышка
В моем большом лесу.
Я леший. Дай-ка руку.
Внимательней, мадам!
Таежную науку
Тебе я преподам.
Вот снасть плетет — готовит
Разлапистый паук.
Он женщины в сеть не ловит —
Предпочитает мух.
Вот муравей-трудога,
Он хоть и мал на вид,
Зато его отвага
Любого удивит.
А здесь, почти незрячий,
В земле копался крот —
С мордашкой поросячьей
Подземный вездеход.
Вот хмель березке косы
Обвил для красоты.
А здесь обжоры — лоси
Обхрумлили кусты.
А тут... большой и грозный
Вышагивал медведь.
Советую серьезно
С ним дела не иметь
Слышь! Сойка рассмеялась,
Что нет назад пути...
Не зря ты так боялась
Со мною в лес идти.

* * *

Опять нет удержу снегам.
Над полем — белые чертоги.
А снег метелится к погам
И забивает все дороги.
В пуржистой мгле куда идти?
Найдешь ли в сутемени друга,
Когда нескладные пути
Заполонила злая выюга?
Не лучше ль в простенькой избе
Кормить всю ночь дровами печку
И то ли Богу, то ль себе
В пустом углу засалить свечку?
Глядеть задумчиво в окно:
Как много навалило снегу!..
И, как на выдержке вино,
Таить в себе покой и негу.

В предвечной остроте,
Пока есть отзвуки словам,
Хотел бы выдохнуть я людям:
«Спасибо вам! Спасибо вам!
За то, что в полночь приютили,
За то, что не впустили в дом,
За то, что добрыми вы были
И душу брали на излом.
Спасибо вам за смех и слезы,
За тьму душевную и свет,
За похвальбу и за угрозы,
За нелюбовь и за привет.
За горевание на трезне,
За первый выкрик малыша,
За все, чем радовалась в жизни
И чем печалилась
Душа».

Игорь Гурьянов

* * *

Поцелуем спишь на моей щеке
дышишь
вздрагиваешь
просыпаешься
и я уже весь охвачен тобой

* * *

Девочка выходила из моря
как будто из кожи
волна
женщиной выбегала
на берег

* * *

Вот и вечерняя роса
а я
еще полоп утренней
и мне навстречу выбегает
лунная тень

* * *

Меня переехало колесо фортуны
внутренности мои
землю мою
небо мое
звезды мои

* * *

Всматриваясь в лица
проходящих мимо
думаю
что все мы
искажения одного Лица

* * *

Ты
я
деревья птицы
травы насекомые рыбы
животные...
Это и есть человечество

* * *

С усмешкой смотрю
на свое лицо
неужели
они думают
что это я?

* * *

Каждый день брожу по переулкам
в надежде встретить тебя
Вот из таких встреч
и складывается
моя жизнь

Сергей Донбай

* * *

Опять в революцию нас засосало —
Окрашивать флаги и вены вскрывать?
Кому-то охота опять с пьедестала
Нас, будто волков, головнями пугать.

Своих ВПШа поокончив ликбезы,
На вечные льготы вписав имена,
Шевелятся по Достоевскому бесы,
И домавтолейною стала страна.

Почувствовав точно — корабль закачало,
Чтоб с нами морскую болезнь не делить,
Другая орава с него побежала —
Дождаться, вернуться и так победить?

А многоэтажные нары гостинок
На митинги прут из кухонных углов...
Россия, разорванная восдино,
Гражданской войною «великих» умов.

Опять в революцию нас засосало —
Окрашивать флаги и вены вскрывать?
Мне воздух, линияющий от краснотала,
Об этом напомнил. Напомнил опять.

* * *

Старик. Коляска. Внучек.
Внимают пенью птиц.
Неторопливый лучик.
И суета синиц.

Оставлены вериги
У жизни за горой —
Безжалостный, великий
Буденновский разбой.

Осталась лишь наука,
Главнее всех наук —
Старик, жалея внука,
Сосет пустой мундштук.

* * *

В. Ковшову

Нищим светом облиты снега,
Заунывно дорога басит,
И тоски золотая ссрьга
Одиноко над полем висит.

И луна эта мне дорога!
И печаль эта мне хороша!
Раздевается свет донага.
Бедной пищей довольна душа.

* * *

По-человечески в кресле вздыхает собака.
Трудно разгадывать разные выдумки пёсьи.
Не удержался: а нет ли здесь тайного знака
Леса, летящего в пропасть по имени осень,
В устье речушки с названием ласковым Люскус,
Где изумруд переходит в сентябрьскую бронзу.
Как виноград, постарев, превращается в уксус,
Стихотворение смахивать стало на прозу:
Может, приснилось, а может, хозяина жалко —
По-человечески в кресле вздыхает собака.

ОЧКИ

Спит отец... Сняв очки,
Незнакомым стал мне.
Как ребенок почти,
Улыбнулся во сне.

Будто видит он сон:
Удивляюсь, Сереж,
Ты чего это, сын,
Меня не узнаешь?

Ты чего это, сын,
И очки нацепил,
Словно старый совсем.
Ты ж очков не носил?..

Говорю, мол, читать
Прописали врачи...
Улыбнулся опять,
Как ребенок почти.

Будто слышит меня,
Будто видит до дна —
Среди белого дня,
Из глубокого сна.

Говорит, мол, откинь
Все сомненья... Зачем?
Что ты хмуришься, сын,
Словно старый совсем?

Хмурюсь, силюсь понять —
Это явь или сон?
Как ребенок опять,
Улыбается он.

СИЛИЦА

Когда попутный ветерок поднимется,
Ей улететь бы и не жить во лжи.
Душа легка... Но существует сила
Земного притяжения души.

Неведомая, собралась по капельке,
Где, не гордясь собою, весь народ
Спокон веков на кладбище, на паперти
Нелишнюю копейку подаст.

Александр Емельянов

* * *

Она сожгла мое письмо —
Я превратился в пепел.
Я тоже сжег ее письмо —
Теперь мы оба пепел.
Но где-то подрастает сын —
Переменяли пепел!..

* * *

Сидел человек,
Молчал человек:
Окурок дымился у ног.
Дыханье корней и времени ход —
Все было ему невдомек.

А листья шуршали
И ветер трепал
Его волосы. Это природа
Ласкала ребенка, ласкала дитя —
Любимца в огромной семье.
Но забыл человек, что он человек.
Свое имя забыл человек —
Все забыл человек!..

Галина Золоткина

* * *

Мне не светало. Ночь была долга.
Я мальчику серьезному лгала,
И волосы со лба его сдувала.
И пробивался юношеский ус.
Невинен поцелуй, велик искус...
Он мне колени кутал покрывалом.
Кончалась ночь, но наша ночь не шла.
И не светало — царствовала мгла.
И я устала трафаретно плакать,
Что мне его терять ужасно жаль,
Что мы еще увидимся едва ль...
А он в глаза глядел мне, как собака.

Теперь он меньше бабник, больше враль,
Мы видимся, но друзья едва ль.
Нам видется теперь необходимо:
Не потому, что все непереходимо,
А потому — что потеряться жаль.

* * *

Осваиваю жанр эпистолярный,
Пишу письмо Татьяне в город дальний
И прошлому придав двойкий смысл,
Пишу одновременно от двух лиц.
От первого лица, где «я» и «мы»,
Пишу, что нынче не было зимы,
Что весь январь дожди, туманы, лужи,
Что все в порядке и с детьми, и с мужем.
Потом пишу от третьего лица:
«Она ему звонила без конца
Все дни и ночи — сутки напролет.
Смеялись — сдачи двушками берет!
Он поседел, в лицо ее забыл...
А ведь ты помнишь,
Он меня любил!..»

* * *

Солнце зашло за мир.
Снят, кто устал и сир.
Снят, кто любим и мал,
Кто рожден и рожал.
Так и должно все быть.
Но кто-то захочет пить,
Кто-то разбудит боль,
Кого-то пронзит любовь,
Младенец запросит есть —
Так оно все и есть.

Валерий Зубарев

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

— Брысь отсюда! —
Прикрикнул на рысь,
В бородище —
Янтарная смолка,
В голове —
Загустевшая мысль:
«Как по правде зовут тебя,
Елка?»

Сгинул леший.
И ряской речной
Задышало иное словечко,
Потому что спросил водяной:
— Как по правде зовут тебя,
Речка?

И пошли расцветать чудеса!
Все сместилось:
И елка, и речка,
Люди, звери, земля, небеса...
Как по правде зовут тебя,
Нечто?

Тьму имен тебе дал человек:
Ты — и сам он,
И речка,
И елка,

И елка,
И мучительно сросшийся бег
Одряхлевшего лося и волка.

Но бессильного имени звук
На губах замирает,
И снова
Все, сливаясь, мерцает вокруг
Новизной первозданного слова.

* * *

Лужок.
Участят сапоги
Биенье
Зеленых сердечек.
И тут же из-под ноги
Стрельнет тишиною
Кузнечик.

Но чудно под солнцем.
И вот
Он в травах,
Как время живое,
Стрекочет — не вышел завод!..
И пульс
На запястье замрет,
Где тикает
Время стальное.

ОПОЛЧЕНЕЦ

Вышка времени.
Стень веков.
Кто там движется
Валкой рысью?
Надвигается стук подков...
Вот он —
Средневековый рыцарь,
С головы и до пят
Броня,
Механическая осанка.
Взгроможден
На бронеконя
Прототип тяжелого танка.
Содрогается конь под ним.
А у росса —
Русь под ногами...
Ненавистен,
Неуязвим,
Неприступен,
Недосягаем!
Но споткнется железный конь,
Рыцарь наземь с размаху
Рухнет.
Понимаю ярость,
С какой
Топором его хряпал русич.
Запоясан едва-едва,
Задышался от возмущенья...
Холодало,
Колол дрова,
Тут и кликнули в ополчение.

Александр Ибрагимов

* * *

И все-таки осень... Стрекошет косилка.
И полдень высокий, и зябко в тени.
И в небе пустынно, как будто в посылках
Уносят последние летние дни...

Но ясно в долине... На вызревшем поле
Косилкою правит незримый старик.
Как будто предсмертье... И тихо, без боли
В коровьем логоу угасает родник.

И, Боже... как ясно! Как будто случилось
Страшнее чего не придумать уже...
Предзимние горы. И облако взвилось!
И кони с косилкой идут по меже.

* * *

Заплачу в траве, потому что трава.
Заплачу в лесу, потому что он лес.
Заплачу от слов, потому что слова.
Заплачу от неба — подранка небес.

Заплачу один, потому что с тобой.
Заплачу в окно, потому что семья.
Заплачу от звезд над женою-звездой.
Заплачешь и ты, потому что есть я.

Заплачешь и ты, потому что в слезах.
Заплачешь во сне, потому что весна.
Заплачешь от глаз, просиявших в глазах,
Заплачешь при мне, потому что одна.

Заплачут цветы, потому что цветы.
Заплачут друзья, оттого что друзья.
Заплачешь и ты, что ты это ты.
Заплачу и я, что я это я.

Заплачем сейчас, потому что сейчас.
Заплачем, что грех — это грех и не грех.
Заплачем о всех, потому что о нас.
Заплачем о нас, потому что о всех.

Заплачем, что рай посреди нищеты.
Заплачем, что дом не готов для житья.
Заплачем от счастья, что я это ты.
Заплачем от счастья, что ты это я.

Заплачем как есть, оттого что так есть
И можно слезами благодарить.
Заплачем от счастья, что поняли весть
И есть, кого в мире боготворить...

Р. и С. Шереметовым

* * *

Ало-зеленые листья клубники на склоне холма
Нежностью осени сводят влюбленных с ума.

Ало-зеленые листья укромны на черной земле.
Дайте и мне погостить в журавлином тепле.

Дайте и мне надышаться предзимнею голубизной —
Из ниоткуда слова золотые летят надо мной.

Лист золоченый, царапаясь, рвется из рук,
Чтобы пайти для влюбленных поляну разлук.

Чтоб разрыдавшись, мы все же друг друга нашли —
Ало-зеленые листья клубники растут из земли.

Ало-зеленое право любить на осеннем холме
Нежно-зеленою кровью сердце ветвится во мне.

Всюду во всем ликует зеленоалость родства
И сквозь обморок смерти в бессмертье летит листва!

Нежная осень. Я одинокий и спешная скоро зима...
Ало-зеленые листья на склоне холма.

* * *

Моя трава зеленоглазая,
Моя вода голубоокая.
Во мне твоя надежда ясная,
В тебе моя нужда глубокая...

Моя родимая-любимая,
Рябинка под звездой — окрестная.
Моя до боли насладимая —
Как Божья тайна всем известная.

ЛЕТНЯЯ ОСЕНЬ

Осоки отблеск остробронзовый
И пижма в осах золотая,
Тысячелистник пенно-розовый
И ты блаженно-молодая
Лазурноглазая, любимая —
И осень летняя над нами!
И бусы терпкие рябиновые
Нанизываем губами.
Одной травинкой обрученные...
Над нами облака сквозные,
Рябины локти золоченые
И листья трепетно-резные.

Владимир Иванов

* * *

Листва наперечет
Нацелена на млечность.
Я слышу как течет
В прожилках человечность.

И гулкий небосвод
В эпоху ветровую
То жизнь мою качнет,
То былку полевою...

* * *

Холода от мая отвернулись,
И тепло восходит над землей.
И недавно выставленный улей
Отдает ромашкой луговой.
С огородов тянет сладким дымом.
И, струясь напевно и легко,
На рассвете привкус губ любимой
По двору разносит молоко.

РАЗРЫВ

Черным словом вдруг застило солнце,
Темным взглядом лучи обожгло,
Что текли в золотое оконце,
Где все стороны света светло.

Деревянно домой воротился
И забылся в наркозной тиши.
Только внутренний гул разносился
Во все стороны мрака души.

* * *

Огни.
Река.
Да звезд вращенье...
Да с тихим скрипом там и тут
Избушки ветхого селенья
К восходу ставнями гребут.
Но прежде,
Чем рассвету литься,
Но прежде,
Чем луна сгорит,
Вдали всю ночь
Под шелест листьев
Калитка с ветром говорит.
И воды плещутся негромко.
И слышны вздохи вдалеке,
Как будто кто грустит о ком-то
На очень древнем языке,
И словно кто кого окликнул
В своей наивной простоте.
Но путь забыт,
Но кров покинут,
И вздох растаял в пустоте...

КОЛОКОЛЬЧИК

В небе стаи курлычут прощально
И листва облетает окрест.
В эту пору не знаю печальней
Наших хлюпких болотистых мест.
И когда я бродил по раздолью,
Тем себя лишь порадовать смог,
Что заметил на краешке поля
Не по-здешнему синий цветок.
Тучи с севера зиму пророчат.
Но про это ему невдомек...
Что ж так поздно расцвел, колокольчик,
Безрассудный ты мой погремок?!

НОЧЬ

Потонули в позднем мраке
Горы, доли и дома.
Вой тоскующей собаки.
За окном трещит зима.
Улицу перебегает
Света четкая струя..
И крадется мысль нагая
К темным тайнам бытия.

* * *

Как долго ждет природа обновления!
Вот, наконец, и обозначен крен —
И на земле, как в первый день творснья,
Настало время бурных перемен.

Вот этой луже
Завтра плавать в небе.
И жухлый снег кипит, журчит давно.
А в почве, там, откуда выйдет стебель,
Уже лежит и теплится зерно.

И что вчера казалось хмурой высью,
Сегодня синевою обдает...
И сердце радо,
Что теченье мысли
Сливается с теченьем талых вод!..

Александр Казанцев

* * *

Я не верю уже никому.
И себе самому я не верю.
Дверь плотней затворю, всдь за дверью
Вертит вихрь узловатую тьму.

Я уже ни тебе, ни ему
Тайну светлой души не доверю.
Крепко дверь затворю, ведь за дверью
Тьма бурлит, не подвластна уму.

«Я люблю!» — лишь два слова шепча,
Я спасусь, даже если погибну!
И слова те, подобные гимну,
Высь пронзят, как два белых луча.

Александр Катков

* * *

Это мы, Господи, ненавидящие друг друга,
Навесившие на грудь православный крест.
Почему мы не умерли,

оцепенев от испуга,
Узрев содеянное в себе и окрест?

Это мы, стоящие в очередях за водкой,
Ожидающие голода

и гражданской войны,
Падающие в пучину, каждый в своей подлодке,
Чтобы отлежаться поглубже

от этой штормящей страны.

Ты отрекся от нас, отмывая от копоты,
Лишая разума и Всевышней любви.

И выдохнуть некому:

«Это мы, Господи,

Тобою забытые,

бедные дети Твои!..»

* * *

Как стыдно мимо нищих проходить,
Когда ты сам уже почти что нищий,
И пустота вселенская в груди,
И тишина, как будто на кладбище.

Как стыдно за тебя, моя страна,
Когда тебя раздели до бесстыдства
И ты, как девка падшая, срамна,
На снежных простынях забыто стынешь.

Но стыд пред Богом, он уже не стыд,
И верую в надежде на прощенье,
Что праздничною скатертью накрыт
Наш стол для праздника и воскресенья.

* * *

Как прожить в этом мире без горя и грусти,
Как по миру пройти с равнодушным лицом?
Если книгу издам -- назову «Захолустье»,
Пусть узнают, как мама бедуют с отцом.

Пусть любимая знает, как вместе бедуем.
Сколько снега и горя в окно нанесло!..
Только дочка уснет, только свечку задует —
Снова в двери стучатся нахально и зло.

Это время стучит, это мой участковый.
Поневоле идешь ему открывать.
Он вручает повестку поэту Каткову,
Чтоб жилплощадь под солнцем не смел
Занимать.

* * *

Эта ночь как медленная-медленная река
И в ней отражаются из несслыханной выси
Белые-белые, невесомые облака
Моих бессонниц и непрошенных мыслей.

Я с жизнью остался наедине,
И нет мне пощады, и нет мне прощенья отныне.
Виновен, как есть.
И все же виновен вдвойне,
Что эту вину сам Господь у меня не отнимет.

И мимо раздоров, людских общежитий,
Суесловных, самоуверенных дилей
Я проплываю маленький и беззащитный
На утлом суденышке
Нищей кровати моей...

* * *

Ад кромешный, и все же — Россия.
Безнадёга уже, беспредел,
Словно целый народ, обессилев,
К Богу руки в надежде воздел.

Дверь откроешь — пророки, кликуши,
Медный звон пятаков, пятаков...
И не слышат оглохшие уши
Плач вселенский ее стариков.

Все разрушено, пропито, продано,
Ничего не осталось в душе.
Даже родина, малая родина
Без присмотра осталась уже.

Где же слезы любви и прощенья?
Впрочем, лучше опять и опять
В ожидании причащенья
В винной очереди отстоять.

Чем прогневали Бога? Не знаем.
Впрочем, знаем и глухо молчим.
Потому и не с нами, не с нами
Пропадает Россия в ночи.

Сколько ж можно, Всевышний, доколе?
То ли к сердцу приставить обреза,
То ли выйти в продутое поле
И прощенья просить у небес...

Игорь Киселев

(1933 — 1981)

От музыки негромкой,
От снега за окном
Печаль бочком-сторонкой
Неслышно входит в дом.

Присяду, одинокий,
За краешек стола
И повторяю строки:
«Печаль моя светла...»

И, как любой и всякий
В большой моей стране,
Поверю в полумраке,
Что это — обо мне...

Летит почти без света
В снегу, как под сукном,
Огромная планета
За меркнувшим окном.

А музыка все глуше.
Но в наступившей мгле
Настольной лампы грушу
Не трону на столе.

Уйду к окну ночному —
От снега даль бела.
И все слышней по дому:
«Печаль моя светла...»

И тронет сердце жалость,
Несмелая болезнь.
Ты где-то задержалась,
Ты скоро будешь здесь.

Молчат ночные ветры
И снег висит как шаль.
Ты и восторг мой светлый,
И светлая печаль.

И я не одинокий,
И ждут меня дела.
Но так прекрасны строки:
«Печаль моя светла»!

Невсedomой дорогой
Она прокралась в дом
От музыки негромкой,
От снега за окном.

* * *

В наш дом приходит женщина одна,
Она мне не сестра и не жена.
А я болею, так уж довелось.
На все шел сам, своя была охота,
Но и себе не предъявлю я счета,
Что полон болью до корней волос.

И вот она летит ко мне, спеша,
Уставшая — в чем держится душа!
Поспешно туфли сбросив у порога,
Склоняется и за руку берет,
И светится в глазах ее тревога,
И руки ее холодны, как лед.

Есть у нее нелегкое свое:
Давным-давно нет мужа у нее.

А человек, кого она так любит,
Кому всю нежность отдает свою,
Он тоже любит. Только не разрубит
Давно привычной ставшую семью.

Его в семье удерживают дети —
Попробуй их от сердца оторви!
За всех детей все взрослые в ответе,
А детям дела нету до любви.
И вот, одно цепляясь за другое,
Не приводя, по сути, ни к чему,
Как снежные шары, растут три горя
Там, где хватало б места одному.

И женщина лицо в ладони прячет,
Идет домой, невсело смеясь.

Но я-то знаю, как она там плачет,
Собою неизбежно становясь.

Огромным грузом вмята в пол дощатый,
Вернувшись в одиночество свое, —
Пощады! — просит женщина, — пощады!..
Но нет надежды в голосе ее.

Къ мне приходит странная минута:
Не я лежу — она больна как будто.
Часы — настольный колокол — стучат,
О помощи глаза ее кричат.

И мне опять ворочаться всю ночь,
Но я ничем не в силах ей помочь.

ВОСПОМИНАНИЕ

Село на трех дорогах.
Там, прихвастнуть не грех,
Я знаю все про многих
И многое про всех.

Там, прислонясь к частушке,
Бесстыж и вмеру пьян,
У старенькой церквушки
Похаживал баян.

Но вы его не троньте,
Не вздумайте дерзить:
Он мог и чардаш Монти
В момент изобразить.

Я много лет там прожил.
Там так меня тревожил
Девичий голосок,
Негромок и высок.

Там Катенька Смирнова
Любила одного,
А вышла за другого...
Но это ничего.

ОТЗВЕНЕЛА ПОРА ЛИСТОПАДА

Отзвенела пора листопада
И последние ливни прошли.
Но глаза свои прятать не надо
От холодной, от грязной земли.

Я люблю ее всякую -- землю,
По которой ходить довелось.
И осеннюю слякоть приемлю,
И метелей бесцельную злость.

Но среди журавлиных рыданий
Не впервые расслышал я речь:
Мы родные просторы и дали,
И любя, не умеем беречь.

И поэтому с чувством укора,
С горькой грустью, не взятой взаймы,
Вижу я наступление скорой
И, наверное, лютой зимы.

Будут ночи пустынные и долги,
И в степи, где метели кричат,
Будут мчаться последние волки,
Настигая последних зайчат.

* * *

В обиде и в тоске
На горьком сквозняке
Прижмусь к твоей щеке,
Прижмусь к твоей руке.

Не разобрав уже,
Где правда, где обман,
Прижмусь к твоей душе —
Светлейшая из ран!

Как будто брошусь вплавь
В одну из тайных зон,
Забыв о том, где явь,
А где, конечно, сон.

И всех обид большей,
Всех радостей родней —
Припасть к щеке твоей,
Припасть к руке твоей.

И в этот странный миг
На долгом вираже,
Как к роднику родник,
Душа прильнет к душе...

Борис Климычев

* * *

Я был юнцом, играть учился в рифмы,
Я изучал сказания и мифы,
Поэзии река таила рифы
И мой баркас сидел на них не раз.
Искомый образ сторожили грифы:
Когтями вмиг порвут тебя как раз!
Но с золотом сравнив в поэме осень,
Я думал, что красиво это очень,
И с изумрудом сравнивал траву.
Не знал я, что химерами живу.
Не мог я знать, что убивают точки,
Что нужно сердце разорвать на строчки.

ПАМЯТИ МУРАДЕЛИ

Это было недавно, а, может, давно,
На банкете весьма порадели:
То ли климат чужой, то ли злое вино
Погубили Вано Мурадели.
И в гостинице томской чужая кровать
Стала ложем последним грузину.
Помню, шел тогда мимо бутылки сдавать,
Словно кто-то толкнул меня в спину.
А в пивной и сказали, мол, помер Вано,
Автор самого главного гимна.
А я в гимны не очень-то верил давно,
А в пивной было шумно и дымно.
Там по-русски ругались и смачно, и зло,
Что за жизнь, дескать, в самом-то деле!
И я плакал, поскольку меня развезло,
И ужасно жалел Мурадели.

* * *

В пустыне, чтобы люди чаще плакали,
Барханов встали серые горбы.
А он — верблюд — капризные каракули
Самой природы и самой судьбы.
Он — результат борьбы за выживание,
Давно гремевших в этом мире бед.
Не просит понимания, внимания,
Колючкой он питается в обед.
Не пить по десять дней ему случается,
Но не грозят ему ни стресс, ни шок.
Шагает он, а горб его качается,
Свисая набок, как пустой мешок.
Горбатый, а не просит инвалидности,
Готов тащить хоть тонну на горбу.
И только лишь надменно
Для солидности
Выпячивает нижнюю губу.

Валерий К о в ш о в

* * *

Счастливой девочкой была,
Наивной, ветреной, веселой.
Столкнулась с горем — поняла...
И стала женщиной суровой.
Взойдет ли утро на крыльцо
Иль светлый день пойдет на убыль,
Я вижу хмурое лицо
И жестко сдвинутые губы.
Как больно ей беду скрывать
У трудной жизни на примете.
Как горько мне подозревать,
Что счастье есть на белом свете.

* * *

Вот и все. Наконец наступила развязка
Нашей странной любви... Я о чем говорю!
Разве это любовь, если жалкая маска
Нерастраченных чувств прикрывает игру?

Разве это любовь, если нежная мука
Нас сближает на время, а следом опять
По углам отчуждения слоняется скука
И навстречу глазам головы не поднять?..

* * *

Внизу, в воде, качался лес.
На темном склоне пахло глиной.
Взлетал на воздух лунный блеск
Какой-то рыбы исполинской.

К моим ногам, как будто звал,
Шли, разговаривая, волны.
И я, прощаясь, понимал
Язык реки немногословный...

И, может быть, придут ко мне
Из глубины души впервые
Слова, стоявшие на дне,
Как будто рыбы золотые.

РЫТЬЕ КОЛОДЦА

С чистым небом над черной спиною,
Поклоняясь грядущему дну,
Я копаю колодец... со мною
Столб пространства идет в глубину.

Глубже свет — выше холм в отдаленье,
Где тускнеет надежды руда,
Где внезапно сверкнет утоление
Человеческой жажды труда.

* * *

Все здесь сердцу близкое,
Все имеет вес —
И ограда низкая,
И высокий лес.

Вот он, за оградой,
Мой родимый дом.
Вот она, нарядная,
Роща над прудом.

Ну, а там, над водами,
То ли сам лечу,
То ли птицы родины —
Я не различу.

* * *

Как хочется порою быть похожим
На ясный день и стать таким, как все,
А еще лучше — деревом пригожим
Или травой в мерцающей росе.

Ходил бы рядом воздух, небу равный,
И улыбался ангельский ручей,
И среди них, родной и полноправный,
Встречал я звуки музыки ничьей.

Но нет для слуха музами заветной
И разум тмит гигантский имярек,
И скрыта тайна радости бессмертной,
И я — пока ей чуждый человек.

* * *

Провалился я тридцать три года
На печи под названием Русь,
Обходила меня непогода,
Не тревожила долгая грусть.

Но у сказочной жизни развязка
Наступила... И стала слышной
Боль — последняя русская сказка
Для беспечных се сыновей.

Слава сказке, я ночью заплакал,
Словно только что правду узнал,
И сквозь слезы заокал, заакал,
Закручинился, загоревал.

Анатолий Козлов

* * *

Иду тропой по краю бора.
Сияют скал крутые лбы.
До дна в приречные озера
Забиты лунные столбы.
А в Томь,
Где под обрывом черным
Плывут созвездия одни, —
Там частоколом золоченым
Вонзились города огни.
Свежит лицо прохлады тяга,
И не гремят мостов горбы...
Устал мой город-работяга,
Великий мученик судьбы.

Николай Колмогоров

* * *

Вся русская жизнь, как таинственный спор,
Который не кончится скоро.
И светлая доблесть, и темный позор
Закатаны в свиток простора.
Начертано в каждой тропинке, ветле
О том, что без чувства печали
Мучительно жить на родимой земле,
Но лучшего мы не видали.
Все жертвы ее не песок, не зола,
Хоть стали песком и золою.
И во поле чистом, где нет им числа,
Я новой судьбы не открою.
Там темные думы, там светлая честь
Бегут, размывая равнину...
И в крайностях этих нельзя не прочесть
Закон и наказ, и причину.
Нельзя оборвать неизбежную нить
Мутящегося кровотока
И эту глухую печаль осудить.
Все близко. Едино. Жестоко.

* * *

Слова ненависти прозвучали.
А где же слова любви?
Сколько сказано их в начале,
Где-то в юности среди листвы!
Век прошел. Изменились ли люди,
Убивая друг друга вокруг?
А твои полнолуныя груди
Как забыть в перекрестии рук!
Этот жест, как извечное право
Всей стыдливой твоей наготы,
Рассказал мне о большем, чем слава
И продажная власть суеты...

* * *

Тропою снеговою в березняк,
А там все тот же ледяной сквозняк,
Налево тьма, как и направо тьма,
Вечерней шубою метет зима...
И потому, разгорячась и злясь,
Что ты сейчас сияешь, повторясь
В других глазах, и, улыбаясь им,
Все понимаешь телом молодым.
Я вышел в снег... Остыть хочу, остыть!
И мудрецом, и мальчиком побыть.
Но волосы прекрасные твои
Воспоминанья путают мои...
И ничего я не могу сказать
И буду в вихре ледяном стоять,
Пока за ярким праздничным окном
Широкий вальс несется через дом.

* * *

Бывает, время изберет кумира —
За ним толпа и перед ним толпа!
И он один, как на краю обрыва,
Стоит, блестя испариною лба.
И не поймешь: то счастье или мука?
И кто он: повелитель или раб?
Душа его не выдавит ни звука,
И он молчит, как бы себе не рад...
Но узел чувств, но сила наших бдений —
Он колебал небесную струну!
И воля всех страстей и настросний
Не зря так властно стянута к нему!
Тщеславны люди. Каждый, прикасаясь
К явлению света, крошку оторвет
И заблестит, как бы и сам прославясь,
Остав на мгновенье гением в черед!..
Вот почему под необъятным небом
Кумиров тьма, а откровенья нет.
И жизнь проста, как набежавший следом
Восторга рокот и злословья бред.

* * *

Как поднимутся вешние воды,
Серебром и плотвой заиграют,
Обернутся глубинами броды,
А глубины и дно потеряют —
Снова-заново тонко и смутно,
То ли отрочество, то ли детство
Через душу пройдут, через утро,
Через мира сего людоедство.
И увижу я берег высокий,
Березняк над кручиной оврага,
Где какой-то мужик одинокий
Задавился под осень, бедняга.
Листья сыпались первые мелко.
Он изладил петлю неумело
И решился... И дрогнула ветка,
И, тяжелая, оцепенела...
Кто он? Грешник, забывший о Боге?
Или водка его доконала?
В стороне и при всякой дороге
На Руси и не это бывало!
Что ж! Не будем болтать понапрасну,
Не осудим ущербную долю.
Вон как волнами ходит прекрасно,
Да не ловится воздух ладонью!
Обернулись глубинами броды
И бездонно весеннее утро,
Как великое сердце природы,
Просиявшее просто и мудро...

Виталий Креков

БОЖЬЯ МАТЕРЬ

В храме бедном Ты так прекрасна!
Я младенческих полон сил.
Жизнь моя просветлилась ясно.
Облака — подножие звезд.
Лик печальный Твой, лик усталый
И сиянье небес видны.
И к ребёнку Ты не случайно
Наклоняешься со стены.
Преславнейшая, Ты ль виновата,
Что кругом разбой, воронье?
За плацдармами химкомбината
Я увидел жилье Твое.
Смрад стоит над землею российской —
До последнего дня Ты с ней.
И угодник здесь мирликийский
Отмывает в тазу детей.

* * *

Этот чистый, холодный май
Отрезвил, успокоил нервы.
И пчела, залетев невзначай,
Вязнет в желтом комочке вербы.
С пароходом-лебедem вплоть
Здесь, в краю моем, так пространно
Отразилась синяя вода
Ледовитого океана.

/ * * *

И дождичек, и черный волок
Полями в две колеи...
И тычет в небо новый колок
Березки тонкие свои.
Вы вся — любовь, исход болезный
И след далекий от следа.
Я образ Ваш, родной и нежный,
Не чувствовал так никогда.
Стою, охваченный волненьем,
А Вы вошли и в жизнь, и в сон,
Где я высоким назначеньем
Как будто бы определен.
Где дождичек, где черный волок
Полями в две колеи...
И тычет в небо новый колок
Березки тонкие свои.

* * *

В твои глаза ночь выдыхала росы.
На губы твои алые — хоть дуй.
Я намотал на шею твои косы,
Чтоб долгим был ответный поцелуй.

А у деревни речи станут строги.
Расстанусь, как попутчик у крыльца.
На счастье наше русские дороги
Тянулись и тянулись без конца.

* * *

Переживу я слов невзгоду
Из уст любимой. До конца.
Но в памяти, как в чистых водах, —
Черты прекрасного лица.
Все, что молчанием творилось,
Все, что ласкало взгляд и слух...
На мне еще не отструилось
Прикосновение этих рук.

* * *

В день воскресный уйду одинокий
В опустевший осенний озвоб.
Затянула бывшие дороги
Кинноварью трава конотоп.

И как в детстве, со мной Божья милость,
Нажитого добра ни гроша...
Вот былинка светло заслезилась —
И опять народилась душа.

* * *

Когда в удушье суеты
Заплачешь от несовершенства,
Тогда с внезапной высоты
Прольется на тебя блаженство.

То время не успело смыть
Во мне стремления поэта,
А значит, мне свободным быть
У ног отеческого света.

Во мне леса еще ничьи,
Не оскверненные пятою,
А в тех лесах мои ручьи
Мерцают ключевой водою.

Там явью станет тайный звук,
Там оживет, что омертвело.
И примет обновленный дух
Прообраз огненного тела!..

* * *

На стремнине текущей жизни
Всем сознанием бытия
Не побойтесь огня молитвы,
Бойтесь вечной геенны огня.
Не побойтесь огня молитвы,
Божья милость вас оросит,
Все живое вернется к жизни,
Все дурное, что в вас, сгорит.
Есть в России такие дали,
Свежесть духа во все концы —
Там людские грехи сжигали
В бренном теле святые отцы.

Иосиф Куралов

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Веточки вербы
Несут по Руси.
Веришь — не веришь,
А вербу носи!

Помыто крылечко.
Натоплена печь.
И надобно свечку
Во Храме зажечь.

Весеннее небо
Синест огнем!
Воскресная верба
На сердце моем!

* * *

Зачем живём? Затем, чтобы страдать?
Затем, чтобы писать статьи в газеты?
Водить машины? Уголь добывать?
Директора главней или поэты?

Директора уже сто лет твердят:
Точи болванку — в ней твое призванье!
Точу! И в небесах — крошечный ад.
И жизни нет — одно существованье.

И долго ль жить под этой тучей зла?
Ведь черт и тот сломал в забое ногу.
В большом достатке пепел и зола.
И не видать сквозь них дорогу к Богу.

СПИТ СОБАКА

На контрольно-пропускном посту,
В маленькой натопленной избушке,
Спит собака, наостряя ушки,
Чтоб врага услышать за версту.
Часовые четырех команд,
В точный час сменяясь через сутки,
В помещение в казенной сумке
Вносят современный провиант.
А собака спит себе в тепле,
На границе грозного завода,
Где одна природа — на земле,
Под землей — еще одна природа.
День и ночь заботится завод —
Невидимка, в непрерывном цикле,
Сохраняя мирный небосвод,
В виде том, к какому мы привыкли.
И гудит всяя страны граница,
Как струна одна напряжена.
А собаке ничего не снится.
И не просыпается она.
Шерсть лоснится на собачьем теле.
День иль ночь на свете, свет иль тьма —
Спит собака! И на самом деле,
Может быть, мир не сошел с ума?

Владимир Мамеев

БРОШЕНКА

Заросли огороды крапивой,
Заколочены избы бедой.
И стоит, как вдова, сиротливо
Деревенька пад речкой Уньгой.
А вокруг — благодать-то какая —
Лес, луга, молодой травостой!..
Но молчит деревенька глухая,
Никого не зовет на постой.
Что стряслось здесь?
Какая морока
Согнала всех с насиженных мест?
Застрекочет, как сторож, сорока —
И откликнется реденький лес.
Наша встреча грустна, как поминки,
Давит сердце и бьет вперебой.
Расскажи мне, деревня Кузьминка,
Расскажи, что случилось с тобой?..

* * *

Еще вчера, вчера стояла
Она у входа в сельсовет.
А нынче утром пусто стало,
Торчит пенек... березы нет.
На нем глазастые стрекозы,
Им божьим тварям невдомек,
Что от ровесницы колхоза
Остался крохотный пенек.
Кому береза помешала,
Кому затмила белый свет?
А ведь она была началом,
Свидетелем торжеств и бед.
Здесь ребяшня играла в прятки,
Береза «коном» им была.
К березе этой шли солдатики,
Их боль войны сюда звала.
Здесь на скамеечках старухи
Любили косточки погреть.
Щелкали семечки и слухи,
А после в церковь шли говеть.
Они свои грехи и наши
Замаливали, как могли...
Уходят тети Дуси, Клаши —
Страдалицы родной земли.

* * *

Мне никуда, друзья, не деться
От той беды, что память жжет.
Войной расстрелянное детство,
Мне вопреки, во мне живет.
Живет, как мать, которой нету,
Как дед, что где-то под Москвой...
А над землей шумят рассветы
И мы шумим между собой.
О чем шумим, о чем скандалим?
Жизнь коротка, как зимний день...
А мы родных, друзей печалим,
Порой на Свет бросаем тень.
Жизнь коротка...
Спешите, люди!
Творить добро, любить, жалеть...
Легко соседу сделать худо,
Труднее ближнего согреть.

Дмитрий Мурзин

* * *

Узреть в улыбке волшебство
И магию услышать в смехе.
Седьмое тайное родство
Хранить в расколотом орехе.

Стеклянные разбив зрачки,
Мутить кругами отраженье.
Искать задоринки, сучки,
И их найдя, — придать значенье.

Искать шутливо и всерьез
И дно души, и побережье
Под сполохи немых стрекоз,
Под шорох скинутой одежды.

Улыбка в тайне колдовства
И магия в затихшем смехе...
И нити тайного родства
Услышать в троекратном эхе.

Владимир Матвеев

НЕ ДО СМЕХА

Перебираю жизни вехи...
Ах, как дни детства далеки! —
Лещихино.
В лесу — орехи,
А в речке — рыбы косяки,
Село скрутили, как овечку,
Шальной прогресс
В природу влез:
Загадили мазутом речку,
Под корень вырубил лес.
От этой горестной причины
Мне, шутнику, не до острот —
И без лещей,
И без лещины
Моё Лещихино живёт.

ПЕСЕНКА О СЧАСТЬЕ

Воспитаны мы комсомолом,
Железные нервы у нас:
Не дрогнув, пьём воду с фенолом,
Вдыхаем удушливый газ.

С пелёнок в мазуте и саже,
Нитратами сыты сполна...
За детство счастливое наше
Спасибо, родная страна!

ТРУДНЫЙ ВЫБОР

Начать бы
Рисковое дело,
Устал я
Жить грустно и постно:
«Товарищем» быть —
Надоело,
А стать «господином» —
Поздно.

ХОХМЫ ДЛЯ...

«Да ты от злости желт!
Не надо помнить зла!»
Но я не злобы от,
Но я лишь пользы для.

Владимир Ширяев

Хохочет вся страна,
Схватившись за живот:
Я сел Пегаса на,
Рифмую скуки от.
Предлоги ворошу,
Лишив законных мест, ---
Скучают края у,
Остались смысла без.
Бреду своей тропой,
Имею свой девиз,
И воробьям я по
Стреляю пушки из.

МОЯ МОЛИТВА

Всевышний,
Сегодня живетcя мне туго,
В заботах своих не оставь:
От подлой жены,
От неверного друга,
От строчки фальшивой
Избавь.

Валентин Махалов

* * *

Пришла пора студеных дней
И лунного сверканья снега.
Звезда молитвенная Вега
В морозной стынет тишине.

Настало время тихих чувств,
Молчанья, грусти нелюдимой.
И сердце — словно зимний куст,
Морозным опущенный дымом...

Во рту горчит вчерашняя отравя
И в голове какой-то странный гул.
Вчера мне надо б повернуть направо,
А я опять налево повернул.
И снова в доме пахнет тарарамом,
Опять вулканиззирует жена.
И правит бал по стареньким программам
Давно набивший руку сатана.
Я в этот вечер все в себе порушу
На левом и на правом берегу.
Но сберегу одну лишь только душу,
В последний раз, быть может, сберегу.

СОВРЕМЕННАЯ ТЕМА

Приходил ко мне черт —
Торговал мою душу:
— Хошь, деньгами,
Хошь, бабами заплачу! —
Исходил от него
Мерзкий запах сивушный
И нахально он хлопал
Меня по плечу.
Он мне тыщи сулил,
А потом миллионы.
Предо мною дровиц
Он выстраивал ряд —
То в бикини,
То в мини,
А то и совсем оголенных,
В том, в чем мать родила,
Как в России у нас говорят.

Я ударился в торг
И такую заламывал цену,
Что корежило черта,
Слезу выжимало из век.
Но хотя он и черт —
Докумекал — пускай постепенно,
Что над ним издевается
Грешный земной человек.

Плюнул черт,
Злобно шаркнул
Козлиным копытом,
Обещая изжарить меня на огне.
Матюгнулся
И двери захлопнул сердито,
А душа содрогалась
В восторге и страхе во мне.

* * *

Живёт на свете женщина
Невесело и странно,
Как ветер, переменчива,
Как совесть, постоянна.
В ней боль земная смешана
С последнею надеждой.
Живёт на свете женщина
Красивой и нездешней.
Свои глаза-печалины
Она несет по городу
До смелости отчаянно,
Возвышенно и гордо.
С путями этой женщины,
Задумчивой и строгой,
Случайно перекрещены
Мои пути-дороги.
Я знал ее любимого,
Любимого, неверного,
Никем не заменимого
В душе ее, наверное.
Рассветы, весны, осени
С ним накрепко запомнены.
Куда его забросили
Дороги закольные?
Ужели его, грешного,
Ни разу не окликнула
Тревога этой женщины,
Любовь ее великая?
Прошу у жизни малости,
Прошу у жизни милости —
Не доброты, не жалости,
А просто справедливости.

МАРЬИН КОРЕНЬ

Было так.
Ливень вымотал душу,
Вымыл тело до белой кости.
Нас держала тайга равнодушно,
Как букашек, в косматой горсти.
А когда мы спускались с предгорий,
Шли по травам, побитым дождем,
Окаянный цветок Марьин корень
Полыхал греховодным огнем.
Нам казалось: вот-вот загорится
От него молодая трава.
Веселели усталые лица,
Веселее дышали слова.
И всего удивительней было —
Сколько в этом цветке собралось
Негасимой и трепетной силы
В этом мире, продрогшем насквозь!..

Михаил Небогатов

(1921 — 1990)

* * *

Когда ты спишь, мне грустно почему-то,
Как будто далеко ты от меня.
Проходит за минутою минута,
Тоскливое молчание храня.

Не мне ли знать, как за день ты устала,
А на сердце тревожно — хоть буди:
Мне кажется, что жить ты перестала,
Что нет уже дыхания в груди.

И так услышать голос твой мне надо,
И так сильна в душе моей гроза,
Что ты и впрямь
От пристального взгляда
Приоткрываешь сонные глаза...

В НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ

Я представляю это до сих пор..
Был сладок сон. Тиха была казарма.
Алел восток. И на него в упор
Смотрел фашист с открытого плацдарма.
Смотрел в бинокль высок, изящен, свеж,
Красив своею статностью спортивной..
Был берег тот не берег,
А рубеж,
Простор полей —
Простор оперативный.
Уже мосты — места для переправ,
Для гусениц, колес, бегущих ног ли..
Мир черепиц, садов, соборных глав, —
Все четко, близко замерло в бинокле.
Мы спали. И дышалось так легко,
И нам, юнцам, ничто не подсказало,
Что за рекой — совсем недалеко
Уже война
К прыжку ждала сигнала...

* * *

Насильно замуж выдали ее.
Любила не его —
Совсем другого...
На муже вымещала зло свое.
Но дети вот —
И нет пути иного...
Прошла их жизнь, ничем не веселя.
Стал плох старик.
Отходит. Дышит глухо...
— Я тут тебе сварила
Киселя, —
Вдруг подобрев,
Промолвила старуха.
— Нет, не хочу...
Кисель ему постыл.
Но помолчал. И тихо:
— Дай немного...
И было ясно: он ее простил.
И лишь вздохнул
У смертного порога.

* * *

Бор — зеленая обитель.
Словно сосны,
День высок.
— Митю видел?
Митю видел? —
Звонкий птичий голосок.

Кто такой он, этот Митя?
Чей, кому товарищ, брат?
Но, как в детстве:
— Видел, видел! —
Я ответить птичке рад.

Митя — друг ее, наверно.
А иначе для чего
Ей тревожиться безмерно,
Мол, не видел ли его?

* * *

Как это славно и мудро —
Судьбы смогли мы связать.
Есть кому «Доброе утро!»,
Встав на рассвете, сказать.

Есть кого помнить в разлуке,
Чтобы душой просветлеть,
В стужу озябшие руки
Нежно своими согреть.

Есть кого силой мужскою
И защитить, и беречь...
Радуюсь встрече с тобою —
Самой счастливой из встреч.

Ты — моя боль и награда,
Ты — моя совесть и честь.
Все, что для сердца мне надо,
В милой, единственной есть.

Михаил
О р л о в
(1949 — 1986)

* * *

Мы медленно себя осознаем
И горечи своей не понимаем.
Своей судьбы глубокий чернозем
Не так рыхлим, как на пласты ломаем.

О, если бы когда-нибудь постичь
Всю высоту отеческого крова
И землю материнскую почтить
Цветущей силой разума и слова!

—
* * *

Умолкла льстивая листва,
Леса заледенели,
И воздух кровного родства
Накрыл дубы и ели.
Закутавшись в сугроб и тишь,
Российская равнина,
Ты вещей холод свой хранишь
И холодом хранима.

* * *

Жизнь идет. Юродствуют пророки.
Мотыльки братаются с огнем.
Спят полупрозрачные сороки
В ноздреватом воздухе ржаном.

Прячутся ручьи под корни ивы,
Реки в море медленно скользят.
И дубы, суровы, молчаливы,
У истоков нежности стоят.

* * *

Здесь не знает обо мне
Воздух, плачущий извне.
Опален сухим огнем,
Я не думаю о нем.
Здесь ли, там ли — все равно,
Одного мотка сукно.
Ведь на желуди не скуп
Вековечный жженный дуб.
Как сиреневый ручей,
Сам не свой, и весь пичей,
Как зеленая хвоя,
Вся нелепица — твоя.
И отыщется не вдруг
Твой старинный, добрый друг —
Воздух, плачущий извне
О тебе и обо мне.

Публикуется впервые.

Публикация Н. Колмогорова.

* * *

Вода и лилии, и цепь,
И в небесах рябая крепь,
И ель, прилипшая ко дну,
Влюбленная в себя одну,
Медвежий смех, и пузырьск,
Скользнувший небу поперек...

*Публикуется впервые.
Публикация Н. Колмогорова.*

* * *

Шум да прозрачное эхо,
Эхо да призрачный шум.
Я никуда не уехал —
Царь, дуралей, тугодум.
Здесь я — на плахе спрямленья
Капля лазури — с куста
Прыгну, пугаясь движенья,
В поле твое, пустота.

Публикуется впервые.

Публикация Н. Колмогорова.

* * *

Счастливого утро!
Листва опускает глаза,
А я ничего не вижу
Глазами, открытыми лесу.
Лишь перелетают птицы
С руки на руку —
С твоей руки на мою —
Легкие птицы.
А туманная Томь,
Изгибаясь, уходит в заросли ив,
И ясная мысль соскальзывает
С ее пальцев.
Я напрягаюсь до шевеления губ,
Чтобы успеть прочитав
Записку ветра
На мокрой траве.

Владимир Переводчиков

* * *

И над волной волна,
И под волной волна.
Но сердце отчего стучит?
Любовь иллюзии полна:
Обманный шепот
Истиной звучит.

И яд его слова,
И мед его слова.
И между слов невысказанность чувств.
И от земли кружится голова,
И облаков касается
Чуть-чуть.

НАВСТРЕЧУ

Круто падает берег вниз.
Тучу режет пила гусей.
Гуси вниз:

— Отзовись!

Ты куда летишь, Енисей?..
— Я спешу в океан уснуть,
Отдохнуть до весны во льдах.
А вы куда держите путь,
Плывете куда?..

* * *

Время любит будущее —
Оттого маршируют часы.
Мы не часы, хоть имеем завод.
И хорошо, что не ведаем, когда кончится.
Если не видишь меня — спеши на мой голос.
Если не слышишь — оглянись или оглядись.
Я самый некрасивый, но...
Не бойся — иди.
Вблизи не видно моего уродства.
Потом поймешь — я спрятался в него,
Чтобы заметила меня только ты.
И никто другой!
Дождь — пережди в подъезде чужом.
Выюга воет — у стенки бетонной постой.
Пальцы в варежках отогрей дыханием.
Верь — солнце на небе есть!
А прижавшись ко мне,
Увидишь как мир прекрасен.
Пойдем в него. Мне защищать тебя.
Не оглянись, но запасись желанием
Оглянуться.

Все в простоте,
Но в разной высоте.
В неравной категории накала:
В летящей мысли, в знобкой пустоте,
В искристой округленности бокала.
Искать — найдешь
И истину, и ложь.

Семен Печеник

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ БУРАВЛЕВА

В осенний день
За журавлиным цугом
Ушел ты навсегда в небытие.
Все позади: аплодисменты, ругань,
Штрафбаты и застольное питье.
Все позади: прорабские расчеты
И строчек поэтическая вязь.
Все позади: блокноты и банкноты,
Все позади. И с недругами сче́ты...
Любовь, любовь, с тобой исчезла связь!

Сегодня годовщина.
В эту память
Посмертный заступил на вахту год.
К тебе друзья поехали с цветами,
Издатели, писатели, народ.
Но равнодушных будет
Здесь немало.
Иным — лишь повод выпить, знаешь ты.
Вот почему к подножью пьедестала
Я не поехал,
А послал цветы.

ОДНОПОЛЧАНАМ

Моросил осенний дождь устало,
Пришивая горизонт к стерне.
На плече моем
Уснула шпала.
Креозот стекает по спине.
Сапоги щебенку загребают,
Под ноги себе я не гляжу —
Я тяжелым взглядом отмечаю,
Где я эту шпалу разбужу.
Словно сброшу все свои тревоги,
Разогнусь
И воздуха глотну.
Но прикажет отделенный строго:
— Поживей! Тащи еще одну.
Отделенный, я готов хоть тыщу
За большую ночь перетаскать!
Посмотри на эти вот ручищи —
Да такими по две можно брать!..
Но валюсь
При первой же попытке.
Креозот и пот текут со щек.
И сержант хохочет:
— Ишь ты, пряткий!
Может, по три спробуешь еще?..
Железнодорожная пехота
Исчезает с наступленьем дня...
Только ты не смейся,
Моя рота,
И в обоз не списывай меня.
Ведь какое б не коснулось горе —
Я дойду.
Ведь я один из вас!..
Вдалеке — на ветровом просторе
Семафор зажег зеленый глаз.

Г

* * *

До сих пор не могу забыть
Слона,
Бредущего по осенней распутице
За стареньким грузовичком.
Слона, забрызганного грязью,
Который грузно ступает по лужам,
Звения цепью, прикрученной к машине.
Слон шагал на вокзал:
Перевозили зверинец.

«До какой же мерзости, — подумалось мне, —
Могут дойти люди,
Превращая животных
В своих рабов!..»

* * *

Он ждал у моря погоды
Три года, четыре недели.
Но не приходила погода,
А ветер все крепчал.
Он ждал на суше погоды
Три года, четыре недели.
Но не приходила погода,
А ветер все крепчал.
Тогда он дождался погоды:
Погоды в собственном сердце!
И выступил в путь.

Николай Пискаев

(1937 — 1979)

ЧУЖОЕ ГОРЕ

Чужое горе — не свое,
Чужое горе одолимо.
Оно, как острое копьё,
Страшит, но пролетает мимо.

Чужое горе тоже ранит,
Но, как ни больно, не убьёт,
А вот когда свое нагрянет,
То в три погибели согнет.

И ты поймешь беды лавину,
Какую выдержал сосед,
Тогда, когда сойдется клином
Вдруг над тобою белый свет.

Чужое горе избывают,
Хотя и легче во сто крат.
«Чужого горя не бывает», —
Неоткровенно говорят.

* * *

Не ходим в гости
И гостей не ждем.
И на соседей празднующих злимся.
Мы как-то так с тобой живем,
Как будто праздников боимся.

Сегодня вот — опять вдвоем,
Как будто нет друзей в округе.
Не говорим и не поем —
Сидим, прислушиваясь к выюге.

От дум тревожных холодею
Я каждый праздник за столом.
Да все сказать тебе не смею,
Что как-то мы не так живем.

СТИХИ О СОБАКЕ

Собака стала лишней в доме,
И, чтобы хлеб не изводить,
Ее однажды в водоеме
Решил хозяин утопить.

Дрожа, рука его касалась
Ее спины в вечерней мгле,
И ей счастливою казалась
Судьба собачья на земле.

Потом он камень над обрывом
Тяжелый самый подобрал
И, наклонившись, торопливо
Его к собаке привязал.

...Но камень выскользнул,
Как жерех,
Сверкнул в пахлынувшей волне,
Собака выбралась на берег
И заскулила в тишине.

Собрав остаток сил, завывала
И за хозяином пошла,
Как будто в то, что с ней случилось
Никак поверить не могла.

* * *

Матери

Здравствуй, Анна Фоминична.
Это я.
Открывай.
О погоде о нынешней
Потолкуем давай.

Говорят, что к не худу
Снег идет и идет.
Навалило повсюду
Выше наших ворот.

Мы с тобой Хлеборобы,
Из крестьян мы с тобой.
Очень хочется,
Чтобы
Снег был вровень с тобой.

Вдруг весной,
Как случилось,
Вновь не будет дождей.
Что лопатить досталось —
Ты о том не жалея.

Только тем мы и живы,
Что земля нам дает.
Посмотри, как красиво
Снег сегодня идет.

Сергей Побокин

ВЕСЕННЕЕ

Темнеют снежные завалы
И слышится лопаты скрип.
Залез на крышу дворник Ваня
И рушит тяжесть снежных глыб.

Балконы, окна, ветви, трубы
Сегодня видимы ясней...
Прошла. Флажком трепещут губы —
Я взглядом обменялся с ней.

* * *

Живу, прохладою дышу,
Кошу траву, умыт дождями,
И вам, друзья, сказать спешу:
Расстаньтесь с душными домами.

Туда, где выситя рассвет,
Где роща сонная паволгла,
Шагайте бодро по росе,
Живите день легко и долго.

Иван Полунин

* * *

Лежит листва полуживая:
Над садом разразился град!
Он, точно гвозди забивая,
Стучал по столбикам оград.

Стучал по крышам ошалело —
И вдруг затих...
А над рекой
Заря так низко заалела,
Что до нее — подать рукой!

Алела, словно согревая
Своим румянцем тихий сад.
И все ж листва,
Полуживая,
Как прежде, ощущала град.

ХОДИКИ

Замшелый дом, закрытый на засов,
Я распахнул —
И ветер заметался.
И неподвижный маятник часов
Во мне внезапной болью отозвался.

О боже мой!
Как горько сознавать,
Что вся вот эта
Старенькая мебель:
И стол, и деревянная кровать —
Все долговечней, чем отповский жребий...

Приемлю в жизни радость и беду!
Да, мы с отцом —
Цепи единой звенья...
Цепочку дерну,
Стрелки подведу —
И ход часов услышу
На мгновенье.

* * *

Среди завьюженных дорог
Я отсвистал, как ветер в поле.
Храни вас Бог от всех тревог
И от моей злосчастной доли!
Я предан вам за доброту,
Друзья мои,
Мои подруги!
Как жаль, что яблони в цвету
Внезапно изломали вьюги.
И душу выстудить могли —
Земной очаг
Тепла и света...
А что за сумраком, вдали?
Я на вопрос
Не жду ответа.
Вода отравлена... И мы —
У матери больные дети —
Встаем
В предчувствии зимы,
Как динозавры, на рассвете.
Кого винить за наш исход?
За муки
В этой жизни брэнной?
Глядит на Землю небосвод
Дырой озоновой
Презренно!
Он словно спрашивает нас:
«Что натворили, супостаты?»
А мне не страшен
Судный час!
Карай, Всевышний!
Жду расплаты.

/

* * *

Вот — общежитье, словно слепок
Склепа.
Кто мне при жизни уготовил ад?
Знать, я любил тебя, Россия, слепо.
Спасибо, рок, за коридорный смрад.
За крики
И безумные замашки
Иных жильцов,
Заброшенных сюда.
А я шучу.
Мол, я рожден в рубашке,
Хоть провалиться рад бы
От стыда.
Мне сознавать
Убогость нашу стыдно.
Куда уехать?
Может, за кордон?
Но для меня
И там звезды не видно.
Люблю Сибирь, как праведник-чалдон.
Твержу друзьям:
«Вы помните о главном —
Где родились и для чего живем...»
Среди тайги, а не в краю дубравном
Останусь я
Февральским соловьем.
Обидно мне:
Я тоже — победитель!
А что обрел?
Опять ледовый плен?
Меня прими,
Таежная обитель.
Я не дожил
До лучших перемен.

Владимир Поташов

(1941 — 1978)

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

В душе затеплится огонь,
Коль в груди ржавого металла
Вдруг патыкается ладонь
На лемех древнего орала.

И если конь, пройдя межой,
Случайно вывернет копытом
Сердечко, тропутое ржой —
Серпа овал полузабытый.

Орудия былой страды...
Витай, душа, в любви вселенской,
Но пойми, помни сладкий дым
Из нашей кузни деревенской.

Она и по сей день стоит
Та завалюха, а когда-то,
Когда-то Миша инвалид
Работал здесь в пятидесятых.

И я любил в былые дни
Порог топтать, глазами лупать, —
Мальчишку хлебом не корми,
Ему железку дай пощупать.

А слушать четкий перезвон?
Сравнимо ль что с тем чудным звоном?

Вот солнце падает на склон,
Как оковалок раскаленный...

Хоть лоб крести на благовест —
Молитвен дым из кузни черной.
Вот в черном фартуке Гефест
Огонь помешивает в горне.

Вот око щурит на металл,
От жара заслонясь рукою...
Ух, как он молотом играл, —
Сегодня встретишь ли такое?!

Деревья гривами прядут,
Закат дымит, как хлеб ядреный.
Ведет симфонию труду
Инструментарий немудреный.

И где начало, где конец
У песни той — убей, не знаю, —
Киянки звонок бубенец,
Кувалда вторит вечевая...

И песне плыть, и сердцу млеть,
Ракитам плакать в сумрак летний...
А что еще-то, что, ответь,
Для сердца русского приветней?

* * *

Баян, уважаемый всеми;
Не очень уж складно поет
О том, как в теплушках на Север
Нас пятые сутки трясет.
Матросские робы час к часу
Дубеют от грязи, хоть плачь!
Сейчас сигануть бы на насыпь
Да метров бы сто пробежать.
Сейчас бы с высокой печалью
Остаться один на один:
Пахнуло морошковой вялью
С задумчивых болотин.
Березки в веснушках и гуси,
Высокий болотный ковыль...
Казалось: незримые гусли
Вещают древлянскую быль.
Иль чудились эти мотивы
Под хмель багуна да сосны?
И словно бы есть это диво,
И нет его, только дохни!..
И я, не знававший доселе
Такой простоты и тиши,
На нарах вагонных про Север
Изламывал карандаши.

Публикуется впервые.

Публикация Н. Колмогорова.

РАГОЗИНСКАЯ МЫЗА

Средь замшелых развалин речные излуки,
Тополя разомлели под солнечной ризой.
Как красиво на солнце свернулись гадюки
На каменьях твоих, Рагозинская мыза!
Здесь на барских могилах нерусские меты
Поросли резедой и кустом краснотала.
Шелестят тополя от бездомного ветра,
Как свидетели грозного злого пожара.
Я в поля ухожу, в заповедные звуки,
В травяные стозвоны, взошедшие властно.
И зловеще шипя, уползают гадюки
Под фамильные плиты нерусских династий.
Вот так участь тебе, Рагозинская мыза, —
И купель, и погибель российское поле!
Из-под ног вылетают искристые брызги —
Косарям, косарям-то какое раздолье!..

Публикуется впервые.

Публикация Н. Колмогорова.

* * *

Опять дрожащие, весенние
Твои обнажены колени.
Опять бессонница, брожение,
Опять безденежье весеннее.
И незапятнанная, чистая
Внезапная струя в судьбе.
Чего еще-то, знай насвистывай,
Живи, посвистывай себе.
Но останавливает нервная
Пугливая твоя рука...
А на окошке — ветка вербная
В бутылке из-под молока.
И пахнет талостью и дымом
От огородов и костров.
И так болезнь неотвратима,
И так пронзительна любовь!..
Как первые ошметья глины,
Как всхлип напуганных берез,
Как снисхождение до слез
Без видимой на то причины.
Как первый слог стихотворенья,
Как я пятнадцать лет тому...
И нету ни предназначения,
Ни объяснения всему.

Публикуется впервые.

Публикация Н. Колмогорова.

* * *

Там, где тянутся к небу скрипучие сосны,
Пахнут корни и хвоя смолой раскаленной,
Выбегает дорога в простор сенокосный,
Где буянит разгул сенокосов зеленых.

Остановится конь, замороженный далью,
Что напоено солнце от края до края,
И вздыхает, смеясь, бригадирша Наталья,
Запрокинув лицо: «Благодать-то какая!»

* * *

Не избегаю слов потертых,
Простых, измученных, не новых.
На тех словах кровоподтеки
Всего бывшего.

В них вечный бой
И жизни жажда.
Вот почему в любом краю
За слово, битое однажды,
Я два небитых отдаю.

То слово знает цену корки,
В нем суть веков и смысл основ.
И пусть порой бывает горько,
Не разлюбить мне вещей слов.

О, край мой, шорохи льняные...
Окошко отворишь едва
И слышишь старые, земные
Простые русские слова.

* * *

Дорога через жито
И чибисовый лет.
А вон стоит ракета
И будто слезы льет.

И я на поле этом,
С мокринкою у глаз:
Все пето — перепето,
А будто в первый раз.

И так рыдать хотелось,
Да вот не привелось.
Но плакалось, но пелось
И родиной звалось.

Андрей Правда

* * *

Может быть, не стихи?
Только горсть
Можжевеловых ягод.
Сине-черных и легких,
Как капли тоски..
Только запах смолы,
Только горечь во рту..
Только в миллом лесу
Золотые стволы...

* * *

Грудная игра гитары
С открытых веранд прольется,
И в сладком чаду колыхнется
Латунный цветок самовара...

О, дачное новолуние!
Вода в роднике щербата,
Как может ты когда-то?
Как эта звезда — пливунья.

Как эта земля, сырая...
— Коснись же ее губами!
Как темный овраг, зарастая
Смородиной и грибами.

ЛИПЫ В НОЧИ

Звезды, спрыснутые уксусом,
На язык ложатся холодны...
Что же! — Мы не так уж и бедны,
Коль имеем вкус и даже с привкусом
Горьковато пахнувшей беды...
Перец, соль, немного горькой водки —
Пусть грехи дневные не гнетут,
Пусть из тьмы с прогретой сковородки
Липы помрачительно цветут!

Александр Раевский

РОДНИК

Жизнь текла невеселó,
Место здесь глухое:
За пять верст одно село,
За семь верст — другое.
Под порошей он желтел,
Стекленел под стужей —
В стороне от важных дел,
Никому не нужен.
Изредка лишь старый лис
Полакать нагнется,
Да седой ольховый лист
В сентябре сорвется.
Так заглох бы и зачах —
Повезло немножко:
Плелся парень в хромачах,
Утопил гармошку...
Милки ль временный каприз,
Хмель тому виной ли —
Неизвестно.
Только жизнь
Сразу по-иному!
Льется,
булькает родник,
По ремням сбегая,
На басы, как ученик,
Шибко налегая!..

ТАЙНА

Думал парень, думал —
Трах судьбою об пол! —
Да с размаху в омут —
Не сыскать вовек...
Что ж такое думал,
Что ж такое понял,
Где, скажи, воскрес ты,
Русский человек?..

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ 1917 ГОДА

В чуме смрад. Космата и глуха,
Смокчет трубку древняя старуха.
И клокочет грязная уха,
На очаг поплескивая глухо...
А на льдине — лай и суета,
Пол-округи там, по крайней мере:
Ледовитый дохлого кита
Во спасенье выбросил на берег.
Облепили тушу стар и млад.
Рвут пласты, от запахов соевя.
Ребра, как шпангоуты торчат,
На морозе нежно розовея.
Будут ночь и голод. Но пока
Нет предела истинному счастью.
Сам шаман кусище плавника
Тащит по засаленному насту.
Тухлым жиром вволю запаслись,
И собаки нажрались до рвоты...
Нервным светом вспыхивает высь,
Странные вычерчивая гроты.
Этот свет сквозит из-за широт
Ленточно, беззвучно и отвесно, —
То палит по Зимнему народ!..
Только здесь об этом — неизвестно.

* * *

Вечернее тиканье миру открыло,
Что в нем, беспокойном, такие дела:
Пока суета свое дело творила,
Хорошая песня взлететь не могла.
Вечернее зарево взору открыло,
Что в холоде красном —
Трава и вода,
И облачный час кораблем белокрылым
Уплыл за холмы неизвестно куда...

Тамара Рубцова

* * *

По зелени июньской травостоя
Бреду неспешно, думая о том,
Что в жизни важно самое простое:
Природа, дети, родина и дом.
Ведь к миру мы стремимся на планете
За тем, что ничего дороже нет,
Чем дом, природа, родина и дети...
А остальное — суета сует.

* * *

Из мира иного пришедший
Вне времени, сплетен и дел.
По городу шел сумасшедший
И песню печальную пел.

Откуда он? Кто его знает!
Кем ни был он раньше и был,
О чем иногда вспоминает
И что навсегда позабыл?..

Но чувства рвались и металась,
Над улицей звуки лились.
И там, где они начинались,
Навеки запуталась мысль.

Но сердце страдало живое,
И голос все выше летел...
Как будто кольцо роковое,
Он песней распутать хотел.

* * *

Коснусь рукой дубового ствола.
Он был, когда ещё я не жила.
Все в мире повидал он до меня —
И сумрак ночи, и прозрачность дня.
О дерево, твой долгоденствие век!
И, если через годы человек
Коснется вдруг дубового ствола,
Ты передай ему, что я — жила...

Сергей Самойленко

* * *

В надежде тщетной славы и добра
Не ты ли суп варил из топора,
Листом лавровым заправляя густо.
И не столетье с лишним, а вчера
К подножью кулинарного искусства
Сложил венок, кивая на Петра,
Под крики обезглавленной капусты,
Которую крошили повара?

* * *

Грохот рухнувшей слезы,
Тень полета стрекозы,
Перепончатое эхо —
Ниже скошенной травы,
Тише высохшей воды
Исчезает в зоне смеха.

Нас подкашивает зной,
Мы оглушены волной
Разноцветного гуденья,
Бесконечной потой «ля»,
И плывущая земля
Лишь предлог для удивленья.

Ветер и веретено
И стеклянное окно —
Только повод для молчанья.
Камень, падающий вверх,
Исчезает без помех
За пределом мирозданья.

Воздух, пойманный сачком,
Слух, идущий босиком
По ступеням звукограда —
Молчаливей тишины,
И глаза удивлены
Возвращающимся взглядом.

* * *

Внезапно кончится зима,
И я, не спившись в эту зиму,
Не с той ноги сойду с ума
На полдороге к магазину.

Позавчера гремел январь
Григорианским шумом-гамом,
И спирт, как елочный фонарь,
Горел в стакане восьмигранном.

Вечнозеленое вино
Цвело в бутылке узкоплечей,
И жизни золотое дно
Не просыхало каждый вечер.

Валился белый снегопад
На голову больного сада,
И самогонный аппарат
Гудел на кухне до упада.

Дым коромыслом, пир горой,
Высокий ток бежал по жилам,
Мешая с кровью голубой
Коньяк дешевого пошиба.

Когда ж февраль, кривой в дугу,
Остановился — было поздно,
И лопнул в головном мозгу
Холодный пламень високосный.

Ударил воронский грай,
Раздался звон в небесном граде,
И жизнь перешагнула грань
Безумия и благодати.

Анатолий Саулов

(1942 — 1968)

* * *

Женщина, любившая меня,
В непонятном и далеком слишком,
Мне казалось — ты уже не снишься,
Не зовешь, таинственно дразня.
Отшумел наш новогодний снег,
Листопады и метелей гуды.
Отчего же снова помнят губы
Твое имя светлое во сне?
Отчего в разбросанной судьбе
Ничего мне память не прощает,
Возвращает, круто возвращает
К первой боли, к радости — к тебе?
О большой любви судьбу моля,
Я считал — она придет позднее.
И сникала, делалась грустнее
Женщина,

любившая меня.

У какой-то грани, у черты,
Спохватившись, что-то замечала,
И метель неслышно замечала
Торопливых туфелек следы.
А теперь проспектом, не спеша,
Ты проходишь незнакомой вовсе,
И уже привычно, как авоську,
Держишь руку сына-крепыша.

Отчего ж в осенний длинный дождь.
В час, неясный для меня и трудный,
Я сорвусь вдруг. И замру над трубкой.
И звоню кому-то:

--- Ты придешь?..

Отчего же на исходе дня
Все острее и пустота и холод
В час, когда под окнами проходит
Женщина,
любившая меня?..

* * *

Уже тебя мне не сберечь.
Нырну, как в озеро, в тревогу.
Жить буду жаждой новых встреч.
...Но это было б слишком много.

Вокзал. Ночных перронов тишь.
Вернуться? Каяться? Не ново!
Сказать: «Прости». И ты простишь.
...Но это было б слишком много.

Вагон. Пустячные слова.
Как нелегка в себя дорога!
Прости: хотел поцеловать.
Но это было б слишком много.

* * *

Травы тонкие качают
Солнце в зыбком мареве.
Запах то ли иван-чая,
То ль кореньев марьиных.

Плач кукушки. То не блестки,
Не цветочки синие —
Впрямь кукушкины здесь слезки
По траве рассыпаны.

Отведу рукой рябинку
И увижу длинную
В мураве-траве тропинку,
Тронку муравьиную.

Просят травы: загляни-ка,
Солнце росы вышло!
Красным градом земляника
Заплясала, выпала...

Мне рассвет в глаза заглянет,
И меня, как мальчика,
Здесь, как мать, ладонью гладит
Даже мать-и-мачеха.

* * *

Читайте чаще первые стихи!
Не говорите: вот, мол, пустяки...
Читайте чаще, молча, как молитву,
Пусть хороши они или плохи.

Они полету птенчика сродни.
Они звучат чуть слышно, как родник.
Они — как губы первой той девчонки,
К которым ты застенчиво приник.

В них столько света и наплыва чувств!
Им мир позерства и обмана чужд.
И если им чего-то не хватает,
То мастерства и мудрости чуть-чуть...

Читайте чаще первые стихи!
Они полны наива, чепухи,
Но почему же, улыбнувшись, губы
Сомкнутся вдруг, растерянно тихи?

Мы мечемся, грустим и устаем,
И в чем-то очень главном мы сдаем.
И, норовя опередить друг друга,
Мы просто быть собой перестаем.

А сколько чувств порастеряли мы,
И безвозвратно, кажется, увы...
И если брать их, то не у кого-то,
А у своей же юности займы...

Придите снова, первые стихи!
Чтоб стали мы, как юноши, строги,
Чисты, как наши первые стихи,
Честны, как наши первые стихи.

Владимир Соколов

* * *

В чудной Москве, которую мы любим,
Издалека, на юбилей лихой
Пришел я к Пушкину. Вокруг теснились люди
И согревали свечки аналой
Высокий постамента. Было к храму
Дороги еще вовсе не видать.
Молились тихо господа и дамы —
Простой народ советский, так сказать.
На бронзово-гранитную икону
Взирали истоиво. Читали вслух стихи.
И было то не противозаконно,
Но всем запретам все же вопреки.
Менялся люд. Плыла в глазах тусовка.
Себя на Красной площади дожечь
Пошел пешком, протиснувшись неловко,
И слушал там царь-пушкинскую речь.
А над Кремлем кружились карусели
Из воронья, державу вороня.
Как будто с Черной речки прилетели!..
Но птиц судить — простите вы меня.

* * *

Ах, куда ты меня завела!
Эта местность совсем незнакома.
Одичавшая зелень цвела
По задворкам,
 среди шлака и лома.

Дом брусчатый, где запах борща.
Солнце липло к щербатой ограде,
Усмехалось из-за плеча,
Хохотало плашмя на веранде.

Шелковистая кожа текла
Под ладонью до самых смородин.
Посмотреть залетала пчела.
Рубикон
 по течению был пройден.

Деревянные ходики для
Нас с тобой выходили из строя.
На скрипела, вращалась Земля
Где-то близко,
 за шахтной горою.

Вот оно, то состояние!
Полночь. Тишина без конца.
С луной противостояние
Небритого моего лица.
Сонное царство. Кошка
Свернулась на диване клубком.
Тополя под самым окошком
Облиты снов молоком.
Даже дома ссутулились —
Им снятся сны.
Ненужными стали улицы.
Только себе нужны.
А мы с луной заговорщики,
У нас — то состояние,
Когда ведем разговорчики,
Обмениваясь мыслями на расстоянии.

Тамара Страхова

* * *

Прозрачным облаком обвит
Шпиль луиной башни...
Ах, антиквариат любви,
Музей вчерашний!
Сплетенья душ, сплетенья рук,
Виток столетий.
Старьевщик времени — паук —
Все ловит в сети.
Сочится время в неводах —
Яд и лекарство.
Так возникают города
И государства.
И разбиваются о сеть
Грошом разменным.
Так возникают жизнь и смерть.
Одновременно.

* * *

По улице бежит ребенок
И тянет за собой
Оранжевую машину,
До краев наполненную
Зеленым будущим.
Он и не подозревает,
Что вслед за ним торопится
Стая птиц,
Хохочущий ветер,
Белые гроздья облаков.
А навстречу ему
Летит звонкий смех жизни.
По улице идет старик,
Оставляя за собой
Желтые вихри листопада.
Ясная осень
Смотрит в его глаза.

* * *

Не могу про Россию.
Прости меня, Господи, Боже.
Не могу как другие —
Настолько все это похоже.
Все слова потемнели,
Как звуки траурной флейты.
Не могу, не умею
Настолько, что лучше — убейте.
Лучше я промолчу.
Только сердце забьется короче.
Лучше в черный платок облачусь
И вольюсь в темень ночи.
Только тонкой струной
Зазвенит наболевшая память.
Я-то знаю как плачут
Сухими глазами.

Михаил Стрельцов

* * *

Лето напоминает осень,
Слезы дождя несет.
Что напоминают слезы?
Просто слезы и все?
Я напоминаю убийцу.
Ты напоминаешь любовь.
Гневом разъедены лица.
Просто лица и все.
Мы вспоминаем ссору,
Где дьявол сердцами правит.
Он напоминает вора,
Укравшего нашу память.

Светлана Трушова

* * *

Тебя ни в городах, ни в селах нет.
Твой облик заняла я у актера.
В глаза вселила мужественный свет
С оттенками лукавства и задора.
Я в сердце поселила доброту,
А в душу — теплоту и благородство.
Собой ты затмеваешь Красоту,
Но ты не победил мое сиротство.
Ты бродишь в непроявленных мирах,
А я страдаю в каменной ячейке.
В придуманных встречах временах,
Мы молча бдим на каменной скамейке.
Я женщина. Я жду земных усад,
Объятий, поцелуев и слияний.
Ты призрак. Ты спокойствием объят,
Божественной любовью осиянный.
И нам не разорвать молчанье встреч
В активной точке жизненного цикла...
Могла убить. Но предпочла сберечь.
Ведь я давно уже к тебе привыкла.

Василий Федоров

(1918 — 1984)

* * *

На родине моей
Повыпали снега,
Бушует ветер в рощах голых.
На родине моей,
Должно, шумит пурга
И печи топятся в притихших селах.

Приветом детства
Встала предо мной
С годами позабытая картина:
Горит луна,
И смутно под луной
Поблескивает снежная равнина.

Отбушевав,
Снега притихли — спят.
Среди снегов, запорошивших вербу,
Полозья одинокие скрипят,
Как будто жалуются небу.

Сместилось все в сознании моем:
Как будто брежу дальними огнями
И в полушубке стареньком своем
Шагаю за скрипучими санями.

Вновь мерзну.
А дорога далека.
Сугробам белым нет конца и краю.
На родине моей
Повыпали снега;
Я их люблю,
За что — и сам не знаю.

А я-то думал,
Что седые
Не любят,
Не тоскуют,
Не грустят.
Я думал, что седые,
Как святые,
На женщин
И на девушек глядят.

Что кровь седых,
Гудевшая разбойно,
Как речка,
Напоившая луга,
Уже течет
И плавно
И спокойно,
Не подмывая
В страсти берега.

Нет,
У седой реки
Все то же буйство,
Все та же быстрина
И глубина...
О, как меня подводит седина,
Не избавляя
От земного чувства!

* * *

Знакомо,
Как старинный сказ,
Уходят женщины от нас.
Они уходят
И уносят
Холодный блеск
Холодных глаз.

Была нежна
И влюблена,
Была так долго
Мной пьяна.
Так неужель
В ней не осталось
Ни капли
Моего вина?

Зачем любить?
Зачем гореть?
Зачем в глаза
Другой глядеть?
Увы! Уму непостижимы
Две тайны:
Женщина и смерть!

* * *

Стройным
Хвастая станом,
Высотой груди,
Очень уж иностранно
На меня не гляди.

Мое имя
Василий,
И должна понимать, —
Мое имя с Россией
Хорошо рифмовать.

РАБСКАЯ КРОВЬ

Вместе с той,
Что в борьбе проливалась,
Пробивалась из мрака веков,
Нам, свободным,
В наследство осталась
Заржавелая рабская кровь.

Вместе с кровью
Мятежных,
Горячих,
Совершавших большие дела,
Мутноватая жижица стряпчих,
Стремянных
В нашу жизнь затекла.

Не ходил на проверку к врачу я,
Здесь проверка врача не нужна.
Подчиненного робость почуяв,
Я сказал себе:
Это она!

Рос я крепким,
Под ветром не гнулся,
Не хмелел от чужого вина,
Но пришлось —
Подлецу улыбнулся
И почувствовал:
Это она!

Кровь раба,
Презиравшая верность,
Рядом с той,
Что горит на бегу, —
Как предатель,

Пробравшийся в крепость,
Открывает ворота врагу.
Как лазутчик,
Что силе бойцовой
Прививает трусливую дрожь.

Не убьешь ее пулей свинцовой
И за горло ее не возьмешь.

Но борюсь я,
Не днями — годами
Напряженная длится борьба.
Год за годом,
Воюя с врагами,
Я в себе
Добиваю раба.

Владимир Ширяев

* * *

На горке дом большой
Стоял который век.
Но к дому подошел
Какой-то человек.
Он, заложивши тол,
Поджег бикфордов шнур.
Сказал: «Процесс пошел...»
И рядышком заснул.

Тот, кто вовремя взялся за ум,
Тот нimalo не потерял...
В этом городе бывший «кум»
Возглавляет «Мемориал».

Стали с новшествами дружить
Эти люди совсем не зря —
Понимают, что старым жить
В наше время уже нельзя.

Кто колхоз возглавлял «Большевик» —
Образцовым фермером стал.
А обкомовский секретарь —
Уважаемый биржевик.

Стали с новшествами дружить
Эти люди совсем не зря —
Понимают, что старым жить
В наше время уже нельзя.

...Зеков он наставлял на ум,
На допросах на них орал.
А теперь этот бывший «кум»
Возглавляет «Мемориал».

23 ФЕВРАЛЯ 1992 ГОДА

Дубинкою резиновой
Мент старикана бил:
«Не будь таким разиней,
Запоминай, debil,
Что нынче — демократия,
Разрешены все партии.
Чего же ваша братия
Ругает демократию?!
Вас убивали медленно,
Платили вам — пятак.
А ты все славишь Ленина.
Так получай, дурак!..»
И в «воронок» упрятали
Дедка.
Трещал мороз.
Вселялась демократия
Надолго и всерьез.

Ах, какая стояла жара!..
Мы картошечку тыпали
И смотрели по вечерам
Как богатые плакали.
Желтизною подернулся лист,
Грозы в августе ахали.
Марианна, Альберто Луис,
Мама Чолли — все плакали.
Палисадник увял и поник,
А богатые плакали.
Мы часами глядели на них
И у нас слезы капали.
Было б в фильме хоть триста частей —
Все глядели бы дальше мы
На родных на своих богачей
Добрых, но неудачливых.
Все суровсе делался быт,
Стали локти залатанными.
Даже хлебушка вдоволь купить
Не могли на зарплату мы.
И все чаще под нашим окном
Ночью взрывы бабахали...
Волновало нас только одно:
Как богатые плакали.

* * *

Замечательные пейзажи
Предназначены к распродаже.
Не гравюры, не акварели --
Настоящие луг, река,
Настоящие сосны, ели
Завтра утром пойдут с молотка.
Продаются пейзажи России...
Здесь родился я, здесь я жил.
Я любил вас, пейзажи родные,
Но — я вами не дорожил.
Я куплю вас, поля, березки,
Отнесусь к вам со всей душой!
...Улыбается гость заморский
И тяжелой трясет мошной.

ИЗ РОБЕРТА ФРОСТА

(вольный перевод)

Остановись, лошадка, здесь.
Нас ожидают? Ну и пусть!
Повременим... Так этот лес
Манит к себе, глубокий и пуст.

Лошадка лижет свежий наст:
Зачем стоим мы целый час
Меж лесом и рекой во льду
Темнейшим вечером в году?..

Так хочет мне сказать о том,
Что это — лес, совсем не дом.
Что хлопьями большими нас
Совсем запорошит сейчас.

К себе притягивает лес...
Мой дом когда-то будет здесь.
И твой, лошадка. А пока
Спеши — дорога далека!

Геннадий Юров

ВИСОКОСНЫЙ ГОД

Необходимое пояснение автора

Поэма написана четверть века назад, в високосном 1968 году. Не опубликована по ряду причин, в том числе и цензурных. Поводом для поэмы послужило самоубийство Юрия Стефанкина, талантливого журналиста и литератора, оставившего нам тощенькую книжку прозы «Планеты в декабре». Хотелось выразить протест против официальной (бытовой) версии случившегося. Сейчас я воспринимаю поэму как достоверное свидетельство о том, какими мы были и как воспринимали мир на излете первой оттепели.

1.

Сгустилась боль и выпала в кристаллы.
И лебеди без нас ушли в полет.
И сверстников иных со мной не стало.
Мне поясняют: високосный год!

Откуда невеселая примета?
Кто проклял этот лишний день в году?
В потоке нам подаренного света
Кто растворил не радость, а беду?

Вчера просил: лет на сто мне отмерьте
Из золотого фонда бытия!

Еще не верил я в реальность смерти,
А в бесконечность жизни верил я.

Теперь в душе и пасмурно, и гулко,
И холодно — дыханьем не согреть.
И друга нет, поскольку умер Юрка...
Я думал, он не может умереть.

2.

Мой побратим, русоволосый парень,
Смеющиеся серые глаза,
Нас, вечно пребывающих в опале,
За горизонт манили паруса.

Мы были счастливы. Мы шли в свою державу.
Все реки в нашу сторону текли.
Была земля, что нам принадлежала.
И было утро на краю земли.

Так что случилось, друг ты мой погибший?..
Не прилетит ответ с поблекших губ.
И столько раз девчат с ума сводивший,
Куда теперь растет твой русский чуб?

Померкла даль. И выпряглась удача.
Заветный груз на колее забыт.
Сию я на обочине и плачу.
И беспросветный дождик моросит.

3.

Ты медленно уходишь. Меньше, меньше
Процессия за именем твоим.
Что ж, мир живет не скорбью по умершим
И, верно, потому неповторим.

И постепенно эпизод забылся
В сумятице иных забот и дел.

Рассказывают, твой сосед запислся,
Но после спохватился, протрезвел.

Что время вылечит — не верю. И не знаю,
Кому чернее високосный день...
Вот женщина приходит — молодая,
А под глазами траурная тень.

— Вы объясните, что это такое?
За что моя судьбина так горька?
По-прежнему тянусь к нему рукою,
И попадает в пустоту рука.

И нечем эту пустоту заполнить.
И вовсе нечем больше дорожить.
Я буду жить лишь для того, чтоб помнить.
Спешу поправить: — Помнить, чтобы жить!

Спешу соврать, что все залечат годы,
И для любви наступит торжество...
— Поплачьте! Возвращаю вам свободу
Я это делаю от имени его,

4.

К исходу дня, чтоб люди не мешали,
В печальный кабинет, где я сижу,
Приходит мать его под темной шалью
И слушает. А что я ей скажу?

Где отыщу слова такие, чтобы
Надежду дать для сердца и ума?
И не дождавшись этих слов особых,
Помедлив, говорит она сама:

— Мой сын единственный глаза закрыть мне
должен,
Зачем же он до времени затих?
Так важно, чтобы дети жили дольше
Доверчивых родителей своих.

Куда же ты ушел, сыпochек милый?
Не обернулся, мать не пожалел.
Я на неделе к батюшке ходила,
Уговорила — батюшка отпел.

Поможет Бог пережить разлуку.
Но страшно мне, что ты без Бога жил...
Так неужели обречен на муку?..
— Нет, мама, кары сын не заслужил.

Нам, верно, не узнать, какие нити
Он оборвал у смерти на краю.
Но раз вам хочется, вы, мама, поспешите,
Его в своем лазоревом раю.

5.

Мать говорит: — С его отцом все ясно,
Была война, фашистами убит.
А этот канул глухо и напрасно...
Кто памятью такую дорожит?

— Не надо, мама, памяти не троньте,
Она лишь чище станет в беге лет.
Поверьте мне, ваш сын погиб на фронте,
Которому пока пазванья нет.

Родительское горе неподсудно.
И свет вернется к вашему крыльцу.
Ему на этом фронте было трудно.
Не легче, может, было, чем отцу.

6.

Мы вышли в мир наивны и несловки.
С душою нараспашку, напоказ.
Нам не назвали способ маскировки,
Приемам самбо не учили нас.

Ни подлости, ни фальши не приемля,
Но не сумев начать, минуя их,
Мы столько раз пахали носом землю
Среди обломков замыслов своих!

Познаний горьких нам внушив немало,
Оплавив зноем, вызнобив в росе,
Нас жизнь уже бойцами поднимала...
Вот только жаль, что поднялись не все.

Нет, не слабее наше поколение.
Мы твердо на своей земле стоим.
Продолжим мы отцовские боренья.
Вот только жаль, ошибку повторим.

Недаром замечаю я все чаще,
Что за своих наследников горды,
Самозабвенно их готовим к счастью
И бережем от боли, от беды.

Им будет жизнь казаться голубою
И розовой — пока не грянет гром.
Тогда они начнут учиться бою
И вспомнят нас, должно быть, не добром.

7.

Дожить бы до рассвета. А смогу ли?
Непререкаем черный выбор зла.
И не была случайною та пуля,
Которая мечту оборвала.

И потому так солон вкус печали,
И потому на совести вина,
Что мы, его друзья, примерно знали,
Откуда может вылететь она.

Столетье високосное? — Едва ли.
Не вымолвив последнего «прости»,
В том госпитале все мы побывали,
Который не сумел его спасти,

И как теперь друг друга ни ругаем, —
Двойная ноша давит тяжелей.
И снова боль свою оберегаем
От теплого сочувствия друзей.

Давайте доверительнее будем.
Ведь оттого невыносимо мне,
Что радость я несу навстречу людям,
А вот с бедой живу наедине.

Упало дружбы дерево пагое.
Кольцом последним — високосный год...
Лишь книжка, фотография да горе,
Которое меня переживет.

Сергей Яковлев

* * *

Над берегом, над Обью,
Где тьма стрижей с утра,
Черемуховой дробью
Прострелены ветра.
И все ж скользнули лугом
К стене березняка:
Листва шумит с испугом,
Но держится пока.

Сегодня листопады
Наметят путь к земле.
Струя сырой прохлады
Течет в сухом тепле.
Но туч не оплавляет
Вечерняя заря.
Душа благословляет
Начало сентября.

* * *

Ни звезды, ни в поле огонька —
Снег и тучи, жуткие, как омут.
Подо льдом упрятана река,
Сосны с яра клонятся и стонут.
Может быть, им выпали сейчас
Никому не ведомые муки,
Потому и действуют на нас
Эти горько-жалобные звуки.
Нам всегда от них не по себе,
И лишь тот бездушен к их рыданию,
Кто, не зная тяжкого в судьбе,
Не приучен сердцем к состраданию...

* * *

Качают метели угрюмый пихтач,
Со стоном порывы в трубе отдаются.
Вначале на сердце тоскливо, хоть плачь,
Но вовсе не слезы потом остаются.

Гремящий буран вызывающе дик,
Какой-то все ищет он
Мстительной встречи.
И вдруг я замечу в решительный миг,
Что силы мои и моложе, и крепче.

Над черной тоской
Посмеюсь от души,
В помине томящего нет беспокойства...
А все — непогода сибирской глуши
И русского сердца чудесное свойство!

Виктор Боккин

НОЧНОЙ БРЕКВАТЕР

Ты не заладил сам с собой.
Уходишь от ответа.
И письма краткие домой
Все реже с края света.

Все чаще чиним ячею,
Все чаще рвутся тросы...
Сегодня словно во хмелю
Старпомы и матросы.

Так что дала морская глубь
И брошенное счастье,
Когда болит — не продохнуть
И впору возвращаться...

И на брекватере ночном,
Где ветер, брызги, холод,
Твоя судьба встает ребром,
Хоть для судьбы ты — молод!

Но все вокруг обострено
Волной к тебе воздетой.
Ты пил лишь сладкое вино...
Ты горького — отведай!

Переплелись любовь и страх,
И робкая надежда.

И море гаснет на губах
Растерянно и нежно.

Отмерять сотнями шагов
Скользящую границу,
Наверно, нужно для того,
Чтоб к жизни возвратиться.

Чтоб без страховок,
 без флажков,
Без слякоти прогорклой...
И не сбиваться с тех шагов,
Когда подступит к горлу.

Когда покажется — не мед!..
Но есть еще брекватер,
Где нас окликнет, позовет
Прародина, праматерь...

Все в жизни есть —
 и дом, и мать,
Высоты и пучины.
И нам судьбы не занимать.
И мы еще — Мужчины!

В...

Болтаст поезд. Не укачивает.
И боль царит!.. Не отпускает.
И жизнь меня в себе — Утрачивает.
Бессильно руку разжимает.

А ты — прекрасная! Ты — нужная!
Ты — счастье давшая,.. И взявшая!
Сберечь тебя от дней простуженных
Не может жизнь моя, иззябшая.

Но как помешанный, как чокнутый,
Глотая расстояний дым,
Не уйду, не растворяюсь я —
Кружу над именем твоим,

* * *

Помянули, как вздохнули.
Слава Богу, — отошел.
Водку горькую хлебнули.
Навалилися на стол.

Ох, и пил, ядрена-корень.
Ох, и буйствовал мужик.
А теперь — гляди — спокоен.
Под березкою лежит.

Что его саднило в жизни,
Отчего входил в азарт?
Руки с темными погтями
На груди его лежат.

Что осталось, не допелось,
Не допилось, не дожгло —
В сердце том испепелилось,
Отгорело, отошло.

И хожу я осторожно.
Аж на цыпочки встаю.
Вот еще один положен
В землю. В кровную! В свою!

Фотоснимки фронтовые...
Оживлению не в лад,
Две медальки боевые —
Две слезы мои — дрожат.

* * *

И в красном мареве стыда,
И в красном мареве заката
Безмерность есть. Когда душа
Виновная — не виновата.

Так от каких-то дальних свар
земное сердце рвет аорты
и магмы красной бред и жар
нам опаляет горизонты.

И тяжело дышит океан.
И, как покачивают зыбку,
он, обезумевший от ран,
в волнах качает бескозырку.

Мы — вышедшие из стихий,
ветра впрягающие в тучи,
не можем скрыть свои грехи.
И чем мы лучше...

Чем мы лучше...

Так покорить или понять?
Или на атомы раззять!

СОДЕРЖАНИЕ

Баянов Виктор

«Бойся Анна, слушай Анна...»	7
«Год назад стоял такой же вечер...»	8
«Нет, наблюдать не любишь ты...»	9
«Видавший виды глиняный кувшин...»	10
«Изба моя, приветь меня...»	11

Буравлев Евгений

«Я не пишу о войне...»	12
«Я — ромашка, глаза параспашку...»	13
«Когда все затихает...»	15
«Я не шатал устои государства...»	16
«Чем дальше ты, тем горестней стихи...»	18
«Что же есть одиночество...»	19

Бурмистров Борис

«На два узла, на два узла...»	20
«Ветрами вздыблены поля...»	21
Зимняя сказка	22
«Три женщины любимых, три печали...»	23
«Уезжаю с почного перрона...»	24
Родова	25

Гержидович Леонид

Населенный пункт	26
«Я закурил папиросу...»	28
«Кто там ходит-бродит...»	29
«Коротенькая стрижка...»	30
«Опять нет удержу снегам...»	31
«В преднеминуемой остуде...»	32

Гурьянов Игорь

«Поцелуем спяшь на моей щеке...»	33
«Девочка выходила из моря...»	33
«Вот и вечерняя роса...»	34

«Меня пересхало колесо фортуны...»	34
«Всматриваясь в лица...»	35
«Ты я деревья птицы...»	35
«С уменшкой смотрю...»	36
«Каждый день брожу по переулкам...»	36

Донбай Сергей

«Опять в революцию нас засосало...»	37
«Старик. Коляска. Внучек...»	38
«Нищим светом облины снега...»	39
«По-человечески в кресле вздыхает собака...»	40
Очки	41
Силица	42

Емельянов Александр

«Она сожгла мое письмо...»	43
«Сидел человек, молчал человек...»	44

Золотанна Галина

«Мне не светало. Ночь была долга...»	45
«Осваиваю жанр эпистолярный...»	46
«Солнце зашло за мир...»	47

Зубарев Валерий

Лесная сказка	48
«Лужок. Участь сапоги...»	50
Ополченец	51

Ибрагимов Александр

«И все-таки осень... Стрекошет косилка...»	52
«Заплачу в траве, потому что трава...»	53
«Ало-зеленые листья клубники на склоне холма...»	54
«Моя трава зеленоглазая...»	55
Летняя осень	56

Иванов Владимир

«Листва наперечет...»	57
«Холода от мая отвернулись...»	58
Разрыв	59
«Огни. Река. Да звезд вращенье...»	60
Колокольчик	61
Ночь	62
«Как долго ждет природа обновления...»	63

Казанцев Александр

«Я не верю уже никому...» 64

Катков Александр

«Это мы, Господи...» 65

«Как стыдно мимо пищих проходить...» 66

«Как прожить в этом мире...» 67

«Эта ночь как медленная-медленная река...» 68

«Ад крошечный, и все же Россия...» 69

Киселев Игорь

«От музыки негромкой...» 70

«И тронет сердце жалость...» 71

«В наш дом приходит женщина одна...» 72

Воспоминание 74

Отзвенела пора листопада 75

«В обиде и тоске...» 76

Климычев Борис

«Я был юнцом, играть учился в рифмы...» 77

Памяти Мурадели 78

«В пустыне, чтобы люди чаще плакали...» 79

Ковшов Валерий

«Счастливой девочкой была...» 80

«Вот и все. Наконец наступила развязка...» 81

«Внизу, в воде, качался лес...» 82

Рытье колодца 83

«Все здесь сердцу близкое...» 84

«Как хочется порою быть похожим...» 85

Провалился я тридцать три года...» 86

Козлов Анатолий

«Иду тропой по краю бора...» 87

Колмогоров Николай

«Вся русская жизнь, как таинственный спор...» 88

«Слова ненависти прозвучали...» 89

«Тропой снеговой в березняк...» 90

«Бывает, время изберет кумира...» 91

«Как поднимутся вешние воды...» 92

Креков Виталий

Божья Матерь 93

«Этот чистый, холодный май...» 94

«И дождичек, и черный волок...»	95
«В твои глаза ночь выдышала росы...»	96
«Переживу я слов невзгоду...»	97
«В день воскресный уйду одинокий...»	98
«Когда в удушие суеты...»	99
«На стремнине текущей жизни...»	100
Куралов Иосиф	
Вербное воскресенье	101
«Зачем живем? Затем, чтобы страдать?...»	102
Спит собака	103
Мамаев Владимир	
Брошенка	104
«Еще вчера, вчера стояла...»	105
«Мне никуда, друзья, не деться...»	106
Мурзин Дмитрий	
«Узреть в улыбке волшебство...»	107
Матвеев Владимир	
Не до смеха	108
Песенка о счастье	109
Трудный выбор	110
Хохмы для	111
Моя молитва	112
Махалов Валентин	
«Пришла пора студеных дней...»	113
«Во рту горчит вчерашняя отравка...»	114
Современная тема	115
«Живет на свете женщина...»	116
Марьян корень	117
Небогатов Михаил	
«Когда ты спишь, мне грустно почему-то...»	118
В ночь на 22 июня	119
«Насильно замуж выдали ее...»	120
«Бор — зеленая обитель...»	121
«Как это славно и мудро...»	122
Орлов Михаил	
«Мы медленно себя осознаем...»	123
«Умолкла лстивая лства...»	124

«Жизнь идет. Юродствуют пророки...»	125
«Здесь не знает обо мне...»	126
«Вода и лилии, и цепь...»	127
«Шум да прозрачное эхо...»	128
«Счастливое утро...»	129

Переводчиков Владимир

«И над волной волна...»	130
Навстречу	131
«Время любит будущее...»	132
«Все в простоте...»	133

Печеник Семен

Памяти Евгения Буравлева	134
Однополчанам	135
«До сих пор не могу забыть...»	136
«Он ждал у моря погоды...»	137

Пискаев Николай

Чужое горе	138
«Не ходим в гости...»	139
Стихи о собаке	140
«Здравствуй, Анна Фоминична...»	141

Побокан Сергей

Весеннее	142
«Живу, прохладою дышу...»	143

Полунин Иван

«Лежит листва полуживая...»	144
Ходики	145
«Среди завьюженных дорог...»	146
«Вот — общежитье, словно слепок...»	147

Поташов Владимир

Вечерний звон	148
«Баян, уважаемый всеми...»	150
Рагозинская мыза	151
«Опять дрожащие, весенние...»	152
«Там, где тянутся к небу...»	153
«Не избегаю слов потертых...»	154
«Дорога через жито...»	155

Правда Андрей

«Может быть, не стихи?..»	156
«Грудная игра гитары...»	157
Липы в ночи	158

Раевский Александр

Родник	159
Тайна	160
Северное сияние 1917 года	161
«Вечернее тиканье миру открыло...»	162

Рубцова Тамара

«По зелени июньской травостоя...»	163
«Из мира иного пришедший...»	164
«Коснусь рукой дубового ствола...»	165

Самойленко Сергей

«В надежде тщетной славы и добра...»	166
«Грохот рухнувшей слезы...»	167
«Внезапно кончится зима...»	168

Саулов Анатолий

«Женщина, любившая меня...»	169
«Уже тебя мне не сберечь...»	171
«Травы тонкие качают...»	172
«Читайте чаще первые стихи!..»	173

Соколов Владимир

«В чудной Москве, которую мы любим...»	174
«Ах, куда ты меня завела!..»	175
«Вот оно, то состояние!..»	176

Страхова Тамара

«Прозрачным облаком обвит...»	177
«По улице бежит ребенок...»	178
«Не могу про Россию...»	179

Стрельцов Михаил

«Лето напоминает осень...»	180
--------------------------------------	-----

Трушова Светлана

«Тебя ни в городах, ни в селах нет...»	181
--	-----

Федоров Василий

«На родине моей повынази снега...»	182
«А я-то думал, что седые...»	184
«Знакомо, как старинный сказ...»	185
«Стройным хвастая станом...»	186
Рабская кровь	187

Ширяев Владимир

«На горке дом большой...»	189
«Тот, кто вовремя взялся за ум...»	190
23 февраля 1992 года	191
«Ах, какая стояла жара...»	192
«Замечательные пейзажи...»	193
Из Роберта Фроста	194

Юров Геннадий

Високосный год (поэма)	195
----------------------------------	-----

Яковлев Сергей

«Над берегом, пад Обью...»	201
«Ни звезды, ни в поле огонька...»	202
«Качают метели угрюмый пихтач...»	203

Бокин Виктор

Ночной брекватер	204
«Болтает поезд. Не укачивает...»	206
«Помянули, как вздохнули...»	207
«И в красном мареве стыда...»	208

Литературно-художественное издание

ДОРОЖЕ СЕРЕБРА И ЗЛАТА

Стихи

Художник В. П. Кравчук
Технический редактор Р. П. Макарова
Корректор Е. С. Захарова

Сдано в набор 30.05.94 г. Подписано к печати
04.07.94 г. Формат 84×100¹/₃₂. Бумага типограф-
ская. Гарнитура Литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 10,33. Усл. кр.-отт. 10,33. Тираж
1500 экз. Заказ 1242. Цена договорная.

Издательство «Сибирский родник»
650099, г. Кемерово, пр-кт Кузнецкий, 25

Редакция
650099, г. Кемерово, Советский пр-кт, 40
650020, г. Кемерово, ул. Н. Островского, 17
Типография УВД

PLU-2600

2

